

1

**ЭТНИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ
БЕЛОРУССКОГО
ПООЗЕРЬЯ**

С. О. Шидловский

Теоретико-методологические предпосылки исследования. В контексте данного исследования под *этнической историей* понимается совокупность этнических процессов, протекающих в определенном регионе в их исторической перспективе [23]. Таким образом, этническая история изучает этногенез и последующее развитие этнического сообщества на определенной территории вплоть до современности. Изучение *этнической истории Белорусского Поозерья* подразумевает исследование всего комплекса этнических процессов, которые предшествовали и сопутствуют развитию белорусского этноса в регионе.

Согласно определению В. И. Козлов, *этнические процессы* – это существенные изменения отдельных этнических элементов, частей этноса и этноса в целом [49, с. 95–96]. Этнические процессы подразделяются на *эволюционные* (постепенное изменение любого из основных элементов этноса) и *трансформационные* (кардинальные перемен этнической принадлежности общности в ходе этнического разделения или этнического объединения). К *эволюционным процессам* относят, например, ослабление или усиление культурно-бытовой однородности этноса (в том числе языковой), чему

могут способствовать внешние воздействия либо вытеснение традиционных культурных элементов профессиональным продуктом. Примером *трансформационного процесса* является «этническая миксация» (мелкая миксация) – физическое смешивание групп, существенно отличающихся в культурно-языковом отношении. Отдельной группой этнических процессов являются *этнокультурные изменения*, происходящие в сфере традиционно-бытовой культуры. К *этнодемографическим процессам* относят изменения демографической структуры этноса по полу, возрасту, состоянию в браке, классово-профессиональной принадлежности. Таким образом, к основным этническим процессам можно отнести ассимиляцию (этнокультурное поглощение одного этноса другим), комодацию (длительный период начальных межэтнических контактов), ккультурацию (изменение элементов этнической культуры в ходе воздействия), мелкую миксацию (смешение этносоциальных групп), интеграцию (социально-экономическое включение), консолидацию (слияние мелких групп в более крупную) [49].

В отечественной науке за последние десятилетия были выработаны эффективные методологические подходы к изучению этнической истории. Одним из первых значимых во-

площений д нной р боты явил сь коллективн я моногр фия «Этн - гр фия бел рус ў: гіст рыягр фія, этн генез, этнічн я гісторыя», в р боте н д которой приним ли уч стие В. К. Бонд рчик, И. В. Ч квин, И. Г. Углик, П. В. Терешкович и Г. И. К сперович [135]. Большой вкл д в р звитие отечественной методологии н учного исследов ния этнической истории прин длежит И. В. Ч квину. Ученый иницииро в л в Бел руси широкое использо в ние нтропологических д нных для изучения этнических процессов [116]. Исследов ния А. И. Локотко послужили определению лок льных историко-этногр фических р йонов Бел руси и кту лиз ции регион льного этнокультурного н следия белорусов [67]. Теоретико-методологическое осмысление этноконфессион льных процессов н шло отр же ние в р бот х А. Вл. Гурко и А. Викт. Гурко [19, 30]. Эт пный х р ктер в изучении отечественной этнической истории носит моногр фия М. Ф. Пилипенко «Возникновение Белоруссии: нов я концепция», т кже исследов ние и П. В. Терешкович «Этническ я история Бел руси XIX – н ч л XX в.: в контексте Центр льно-Восточной Европы» [78, 109]. С 90-х гг. XX в. под эгидой Институт искусствоведения, этногр фии и фольклор им. К. Кр пивы Ак демии н ук Бел руси осуществляется выпуск многотомной серии «Бел русы», в которой был опубликов н ряд обобщ ющих исследов ний по этнической истории Бел руси («Бел русы: вытокі і этнічн е р звіццё», «Бел русы: сл вянскія

этн культурныя тр дыцыі») [9, 11]. С 2010 г. выходит нов я серия коллективных р бот белорусских этнологов, котор я посвящен изучению этнокультурных процессов в отдельных историко-этногр фических регионах Бел руси. Д нные р боты способствуют дет лиз ции общей к ртины этнической истории Бел руси н регион льно-лок льном уровне, т кже служ т з д че обновления методологических подходов в изучении этнических процессов [136–138].

«Белорусское Поозерье» (д лее – *Поозерье*) является одной из шести историко-этногр фических обл стей Бел руси. Под *историко-этногр фической обл стью* поним ется регион, у н селения которого исторически сложились сходные культурно-бытовые и этнопсихологические особенности [2]. Н ряду с понятием «историко-этногр фическ я обл сть» т кже используется термин «историко-этногр фический регион», который в контексте д нной р боты р ссм трив ется к к синонимический. Соответственно, историко-этногр фический субрегион – это со ст вн я ч сть историко-этногр фической обл сти, этногр фическ я специфик которой р ссм трив ется к к в ри нт общих культурно-бытовых особенностей регион . Нередко историко-этногр фическ я обл сть территории льно соответствует физико-географическому региону – не исключение и Белорусское Поозерье. В д нном совп дении проявляется з кономерность, т к к к формиров ние этнической культуры происходит во вз имодействии с определенным л ндш фтом – природной

средой обитания. Этническая дифференциация культур во многом предопределяется в ригитивностью географической среды. Традиционные культуры имеют, как правило, конкретную географическую локализацию. Поэтому при изучении этнической истории видится целесообразным учет методологических подходов, выработанных в области этноэкологии и исследований по культурной дидипции, которые представлены прежде всего в труды В. И. Козлов, С. А. Арутюнов, И. И. Крупник [139]. В современной белорусской этнологии наиболее последовательно этноэкологические подходы реализуются в исследованиях К. А. Шумского [128].

В дидной роте применяется ретроспективный метод изучения этнических процессов, который подразумевает установление истоков и причин формирования современных этнических общностей. При изучении проблем этнической истории используются историко-генетический и стидильный подходы, также метод историзма.

Локализация региона и его физико-географические характеристики. Историко-этнографический регион «Белорусское Поозерье» расположен на севере Республики Беларусь, преимущественно в пределах современной Витебской области. В результате исследования В. С. Титов проблемы историко-этнографического районирования материальной культуры белорусов были уточнены границы региона. На юго-востоке Белорусское Поозерье граничит по днепровско-двинскому водоразделу с Поднепровьем, на юге и юго-

западе – по лесной полосе на север от Борисова и Логойска до озер Нарочь – с Центральной Беларусью и Полесьем [114, с. 251].

Дидная территория характеризуется с одной высокой озерностью в стране, что и предопределило возникновение термина «Поозерье». Особенности этнокультурного развития края обусловлены спецификой его этнической истории, также местными физико-географическими и природно-климатическими условиями. История хозяйственного освоения Белорусского Поозерья была детерминирована качественными характеристиками местных почв, климата, естественной ристительности. Существующие в регионе речные системы предопределяли направление рных миграций, характер заселения и рселения, векторы культурных и экономических контактов. Одними из первых наженность географического фактора при формировании этнокультурных особенностей региона, в частности наличие рветвленной речной системы Западной Двины, обратили внимание А. П. Спунова и Е. Р. Романов [91, с. 16; 94].

В соответствии с физико-географическим районированием рсчитывается территория относится к Белорусской поозёрской провинции, основная часть которой представлена ледниковым и водно-ледниковым рельефом. На западе Белорусское Поозерье пересекает Вилия, приток Немна. Южную часть дренирует Березина, приток Днепра. Важнейшей водной ртерией региона является Западный Двин, который впадает в Балтийское море. Бессейн

Земельная Двина в ее среднем течении практически совпадает с границами Белорусского Поозерья. Более трети современной территории Витебской области покрыто лесом – преобладают сосновые (около 50 %) и мелколиственные леса. Распространены преимущественно дерново-подзолистые почвы. Сложность структуры ландшафтов ряда территорий, а также заболоченность – причины низкой продуктивности почв и сохранения высокой лесистости в регионе. Звончатость – еще один характерная особенность сельскохозяйственных угодий Белорусского Поозерья. В регионе отмечается смена короткой в Беларуси вегетационный период. Вышеупомянутые факторы являются причиной экологической неустойчивости местных ландшафтов, что и наложило свой отпечаток на развитие традиционной культуры жизнеобеспечения населения Белорусского Поозерья [69, 85, 89, 90, 129].

Белорусское Поозерье занимает сравнительно небольшую и компактную территорию: внутри региона отсутствуют географически труднопреодолимые препятствия, что в ранних этапах этнической истории края содействовало формированию этнообразующих связей, чему способствовало также и наличие речной системы бассейна Земельной Двины. Формирование этнокультурной целостности подрывалось отсутствием крупных иноэтнических включений внутри основного этнического массива, которые могли бы нарушить внутриэтническую коммуникацию. В противном случае критически важно было обеспечить контроль над

основными каналами экономических и культурных сообщений внутри этнической территории, к которым в первую очередь следует отнести крупные речные системы. Таким образом, для любой этнической группы в целях ее развития в инокультурном окружении важным являлось осуществление действенного контроля над крупными речными системами региона. Последовательные действия в данном направлении прослеживаются, например, в процессе расселения славянского населения по территории края, что, безусловно, способствовало его успешной адаптации в иноэтническом окружении и созданию собственного государства.

Исторические названия региона. Осознание Белорусского Поозерья как определенной этнокультурной целостности отмечается уже в древних письменной истории края, не говоря уже о наличии собственных имен, обозначающих данную территорию. Земли региона в IX – первой половине XIII в. входили в сферу политического влияния Полоцка и включались в понятие «Полоцкая земля». В источниках XIV–XVIII вв. край спортивно обозначался термином «Белая Русь», общим с XVI в. у Поозерья с Белорусским Поднепровьем. В 40-х годах XIX в. ряд отечественных публицистов и писателей (Я. Бещевский, Р. Подберезский, А. Рыпинский) употребляли термин «Белая Русь», подразумевая под ним преимущественно территорию Белорусского Поозерья. Я. Бещевский использовал также определение «Северная Белая Русь» [132, 141]. С сере-

дины XIX в., с началом поступательной экспансии и звания «Белорусь» и все этнические земли белорусов, появилось уточняющее для региона понятие – «Витебская Белорусь» (Н. Я. Никифоровский), которое употреблялось на территории нодминистративную принадлежность региона к Витебской губернии. Е. Р. Романов не использовал какого-либо особого термина в отношении территории Витебской губернии, относя ее совместно с Могилевской губернией к «Кривицко-Словенскому территориальному типу». На протяжении XX в. отмечаются параллельное бытование нескольких названий региона. А. А. Смолич выделял в Северной Белоруси два региона: Полоцкое и Подвинье и Витебский край. В состав Полоцкого и Подвинья он включил Полоцкий, Лепельский, Дриссенский, Двинский, Илукстский, Браславский (Ново-Александровский) и Дисненский уезды. К Витебскому краю он относил Невельский, Городокский, Витебский, Себежский и «белорусские части» Люцинского и Опочецкого уездов [103, с. 201, 319]. В работе Г. В. Штыхов встречается термин «Северная Белорусь», у В. В. Седова – «Полоцкое (Белорусское) Подвинье», у М. Ф. Романюк – «Подвинье». В монографии Л. А. Молчановой «Материалы культуры белорусов» территория Витебской области, так же северная часть Минской и Гродненской областей обозначены как отдельный этнографический «Северно-восточный» регион Белоруси [71]. В работе В. С. Титов термины «Поозерье (Белорусское Поозерье)» и «Подвинье (Бело-

русское Подвинье)» употребляются как синонимические, что характерно для большинства современных этнологических исследований [114].

Исследования этнических процессов в Белорусском Поозерье. Не менее ретивыми работами, в которых рассматриваются отдельные спектры этнической культуры региона, является книга А. Гвонини «*Описание Европейской Сарматии*» (Sarmatiae Europaeae Descriptio Quae Regnum Poloniae, Lituaniam, Samogitiam, Russiam, Massoviam, Prussiam, Pomeraniam, Livoniam, Et Moschoviae, Tartariaeque partem complectitur [...], Крков, 1578), так же сообщение П. Одерборна «*Привидный и обстоятельный рассказ о вере русов* [...]» (De Russorum religione, ritibus nuptiarum, funerum, victu, vestitu &c. et de Tartarorum religione ac moribus epistola ad D. Davidem Chytraeum recens scripta, 1582) [70, 140].

Начало систематическому и научному изучению этнокультурных особенностей Белорусского Поозерья было положено в XIX в. в труды К. Т. Аникиевича, Н. Анимелле, М. О. Без-Корниловича, А. Е. Богдановича, Ф. Л. Веренько, И. Д. Горбачевского, М. А. Дмитриева, З. Долленги-Ходковской, Е. Ф. Крковского, А. К. Киркор, Ю. Ф. Крчковского, Н. Я. Никифоровского, Е. Р. Романова, А. Ф. Рыпинского, А. П. Спуннова, А. М. Сементовского, Ф. И. Себренников, В. К. Ступича, Е. П. Тышкевича, К. Ф. Лютынского, И. Е. Хрповицкого, П. В. Шейна, П. М. Шпилевского [3, 4, 8, 15, 27, 28, 33, 34, 46, 48, 50, 74, 75, 91, 94, 95, 100, 101, 105, 106, 113, 118, 124, 144, 148–150]. Привлечению обществен-

ного внимания к этнокультурной проблеме региона послужило творчество литераторов Я. Брещевского, К. В. Вереницын, А. И. Вериги-Доревского, Э. Вуля, братьев Гржимоловских, К. Мршевского, Г. Мртинкевич, Р. Подберезского, А. Р. Пщелки, В. П. Ровинского, В. Свич-Зблоцкого, Я. Чечот [7, 77, 86, 145–147]. Накоплению филологического материала способствовали научные экспедиции И. И. Лепехин и В. М. Севергин [96, 97, 108, 130].

Первой работой, в которой Белорусское Поозерье рассмотрено в качестве самостоятельного объекта этнологического изучения, является «Этнографический обзор Витебской губернии» (1872) А. М. Сементовского [100]. В данном исследовании был предпринят анализ этнической структуры населения региона. Среди этносов Витебской губернии исследователем названы русские, поляки, литовцы, эстонцы, цыгане, евреи, немцы при количественном преобладании белорусов, которых он считал потомками кривичей. Как важный фактор в процессе формирования региональных отличий А. М. Сементовский оценил внешнее влияние – русское, польское и немецкое (Динбургский, Люцинский, Режицкий уезды) – литовское. А. М. Сементовский указывал на ошибочность подхода Г. Эккерта, который при определении границ расселения белорусов к ним более существенный рассмотрено конфессиональный признак.

В начале XX в. изучение этнокультурных особенностей региона продолжили А. А. Гриневиц, Д. И. Дов-

гялло, В. В. Иванов, Н. И. Ксерович, С. П. Сухров, А. А. Шлюбский, Б. И. Эпимех-Шипило [42, 121, 122]. Со второй половины XX в. экспедиционные этнографические и фольклористические исследования в регионе проводятся сотрудниками Института искусствоведения, этнографии и фольклор имени К. Кривы Национальной академии наук Беларуси. Материалы, полученные в ходе экспедиционных исследований, в дальнейшем использовались Г. И. Белявиной, В. К. Бондрчиком, Т. Б. Ворфоломеевой, Т. В. Володиной, М. Я. Гринблатом, Г. И. Ксерович, Г. М. Курилович, Т. И. Кухронек, Э. Я. Можейко, С. А. Милученковым, Л. А. Молчановой, М. Ф. Пилипенко, Л. В. Роквой, В. М. Сысовым, И. В. Чквиным при создании ряда обобщающих этнологических работ [31, 110].

Этнографические и фольклорные экспедиции в регионе проводились также силами педагогов и студентов филологического факультета Белорусского государственного университета, кабинета народной музыки Белорусской государственной академии наук, Белорусским государственным педагогическим университетом имени М. Танка [6]. Ряд работ, посвященных изучению художественной культуры Белорусского Поозерья, также региональной топонимики, подготовлен исследователями Витебского государственного университета имени П. М. Машерова [13, 92, 93].

Различные спектры традиционной обрядности белорусов Поозерья рассмотрены в работе Т. В. Володиной, Т. И. Кухронек, В. М. Сысов; этномузыкальная культура –

Т. Б. Врфоломеевой, З. Я. Можейко, Т. Л. Констнтиновой, И. Д. Нзиной, А. В. Скоробогтченко, Г. В. Твлй; этнические традиции в организации и функционировании семьи – В. К. Бондрчином, А. Н. Куриловичем, Т. И. Кухронки и Л. В. Рковой [10, 16, 18, 51, 68, 87, 102, 107]. Региональные и местные художественно-композиционные и орнаментальные отличия белорусского рушника демонстрируются в книге О. А. Лобчевской «Повязь ч соў – беларускі ручнік» [56]. Специфика народного зодчества скрыта в работах А. И. Локотко [58, 59, 65, 66]. Традиции белорусского народного гончарства рассмотрены в монографии С. А. Милюченков [70]. Большая роль в изучении традиционной культуры региона принадлежит М. Ф. Ромнюку и В. С. Титову [88, 114].

С середины 90-х годов XX в. систематические экспедиционные исследования на территории Витебской области проводятся Полоцким государственным университетом. У истоков организации данной работы ходились археологи С. В. Терсов, М. В. Климов, этнолог В. А. Лобч, историк О. А. Емельянич. Новые концептуальные подходы в изучении региональных исторических процессов нашли отражение в работах В. А. Воронин, В. В. Голубович, А. В. Мцук. Был сформирован научная школа по изучению истории, археологии, этнографии и исторической географии Белорусского Подвинья, руководителем которой является Д. В. Дук. Становление полоцкой научной школы происходит в тесном контакте с ведущими учеными Национальной академии наук Бел-

руси и Белорусского государственного университета. Основные направления научных исследований школы: археологическое изучение городской материальной культуры (Д. В. Дук, А. Л. Коц, И. В. Мглинский, А. А. Соловьев); археологические исследования погребальных памятников и поселенческой структуры историко-этнографического региона Белорусского Подвинья (В. В. Черевко); историко-этнографические исследования населения Белорусского Подвинья IX–XVIII вв. (О. А. Емельянич); этнологические исследования материальной и духовной культуры белорусов (С. В. Андриевская, В. А. Лобч, В. И. Мишин, В. Е. Овсейчик, С. О. Шидловский) [36, 64, 131]. Региональные этнорелигиозные процессы исследуют В. В. Борненок, Е. Н. Борун, Н. В. Довгяло, О. Г. Кордюкевич, Г. М. Мысливец; проблемы *средневековой истории* – Ю. Н. Кеж, В. В. Якубов; *Новой и Новейшей истории* – С. Е. Глызырин, А. И. Корсак, А. Л. Рдук, Е. В. Сумко, А. А. Шишков. Руководство этнографическими экспедициями Полоцкого государственного университета на территории Белорусского Подвинья в настоящее время осуществлялось В. А. Лобчем, В. Е. Овсейчиком, В. С. Филипенко. Был создан Архив полевых этнографических материалов [81–84]. Экспедиционная работа в регионе стала первой профессиональной школой для новой генерации исследователей-этнологов: И. В. Азевич, О. Ю. Бибич, А. Б. Зхревич, Е. Н. Изергиной, Я. С. Кнуревой, А. А. Крумплевской, П. И. Мишин, В. И. Мишиной, Ю. С. Прокофьевой и др.

Археалагічнае даследаванне Беларускага Палесся праводзілася з першай паловы XIX в. У істочках стаялі К. А. Говорскі, З. Доленга - Ходковскі, М. Ф. Куцінскі, Л. Ю. Лазаревіч-Шепелевіч, Ф. В. Покровскі, П. П. Покрышкін, Е. Р. Ромнов, А. П. Спунув, А. М. Сементовскі. Навучальна-навукова-даследавальнае археалагічнае даследаванне Беларускага Палесся звязана з імем А. Н. Левандовскага. У 20–40-я гады XX в. экспедыцыі ў рэгіоне праводзілі С. А. Дубінскі, А. Д. Коваленя, І. А. Сербов, В. І. Голубовіч, Е. А. Цегла-Голубовіч. У другой паловы XX в. даследавальніцкую працу працягнулі Л. В. Алексеев, Т. С. Бубенька, В. А. Булкін, Л. У. Дучыц, Ю. А. Зяц, М. К. Кругер, Л. В. Коледінскі, О. Н. Левко, А. Г. Мітрофанав, П. А. Рэппорт, В. Р. Трасенка, С. В. Трасов, О. А. Трусов, П. Н. Третьяков, І. М. Хозеров, В. І. Шыро, Е. А. Шмідт, Г. В. Штыхов, К. П. Шут. На рубежы XX–XXI вв. – Д. В. Дук, А. А. Егорейченко, М. В. Клімов, Н. А. Палевінскі, П. Н. Подгурскі і др. [35].

Палеантропалагічныя даследаванні старажытнага населяння рэгіона атрымалі развіццё ў працы Г. Ф. Дебца, І. І. Славона, І. В. Чаквіна, А. І. Кушніра, О. А. Емельяніча [120].

Навукова-лексікаграфічнаму даследаванню гаворак Беларускага Палесся паўплывалі публікацыі XIX в. мясцовага дыялекталогічнага матэрыяла Я. Чэчотам, П. В. Шейном, Н. Я. Нікіфаровскім, В. Н. Добровольскім. У 1927 г. быў апублікаваны «Віцебскі крыжы слоўнік» Н. І. Касперовіча, які атрымаў пераважнае значэнне для лексікі ўсходняга Віцебшчыны.

Лексіка ўсеагульнага Беларускага Палесся прадстаўлена ў пяцітомным выданні «Слоўнік беларускіх гаворак паўночна-заходняга Беларусі і яго граматыка» (1979–1986). Лексічныя асаблівасці мястных гаворак даследаваны ў словніку К. М. Пятючэ «Лексіка ў родных гаворках» (1976) (апрацаваны лексіка Ушчынскага) і «Слоўнік Сяненшчыны» (1 т. – 2013 г.). На кафедры беларускага мовознаўства Віцебскага дзяржаўнага ўніверсітэта імя П. М. Машэрава быў падрыхтаваны «Рэгіянальны слоўнік Віцебшчыны» (2012–2014). Труды, прысвечаныя даследаванню топанімічнага рэгіона, з'явіліся ў канцы XIX в. (Г. Г. Трусман «Этымалогія мястных назваў Віцебскага губерня»). Сістэматычныя даследаванні топанімічнага Беларускага Палесся праводзяцца з другой паловы XX в. (Я. М. Адамчыч, Л. Н. Грыгор'ев, М. Я. Грынблат, В. А. Жучкевіч, Н. В. Бірылло, В. П. Лемцюгов, П. П. Шуб, І. Я. Яшын) [26, с. 10].

Сваё значэнне ў даследаванні этнакультурных асаблівасцей рэгіона ўносяць сучасныя ўсходняе даследаванні. Так, рэгіянальныя этнакультурныя стэратыпы, этналінгвістычныя працэсы ў беларуска-расійскай паграніччэ ў другой паловы XX – пачатку XXI в. даследуе расійскі этналінгвіст-доктар філалагічных навук О. В. Белов [12]. Сацыялінгвістычнаму феномену паграніччэ прысвечаны каллектыўныя двухтомныя навуковыя працы «Brasławszczyzna. Pamięć i współczesność» (Выдадана ў 2009, 2011) пад навуковай рэдакцыяй доктара філалагічных навук Э. Смулкавай [142, 143].

Эпоха каменного века на Белорусском Поозерье. Из-за последних поозерского оледенения (ледник отступил примерно 14–12 тыс. лет н. э.) освоение человеком территории Белорусского Поозерья происходило в эпоху мезолит (9–5 тыс. лет до н. э.), позже, чем в других регионах Белорусии. Проникновение людей в данную местность осуществлялось с южного и западного направлений. Для ранних этапов был присущ миграционный характер передвижений – пребывание первобытных охотников на севере Белорусии носило сезонный характер и обусловлено особенностями миграций диких животных. Постепенно, с улучшением местных ландшафтно-климатических условий, началось переход к оседлому образу жизни и восточным направлениям передвижений. Последние ознаменовали переход от фазы проникновения к фазе освоения территории: активного изучения и использования местных природных ресурсов в условиях постоянного проживания в регионе, что приводило к формированию новых хозяйственных и социальных механизмов передвижения [39, с. 9–11, 45].

В эпоху неолит (IV тыс. до н. э. – III тыс. до н. э.) территория Белорусского Поозерья была заселена племенами неолитической культуры. Для данной культуры характерно преобладание посуды остродонной формы, орнаментированной в верхней части поясом из насечек, ямок и насечек, с примесью в глиняном тесте речной гальки и обожженных ракушек. В изготовлении инвентаря широко применялись кость и рог, также кремь [38, с. 30–32]. Со второй по-

ловины III тыс. до н. э. на территории Белорусского Поозерья появляются памятники культуры ямочно-гребенчатой керамики, которая определяется как финская. Так, при раскопках неолитических гидронимов Белорусского Поозерья, в обзоре которых прослеживается влияние финского языка, совпадает с территорией распространения древностей, характерных для культуры ямочно-гребенчатой керамики [72]. Сочетание в Поозерье балтийских и славянских гидронимов с включением финских реликтов отмечается, в частности, В. А. Жучкевичем [37, с. 213]. Согласно подсчетам Е. М. Котоновой, среди гидронимов бассейна Западной Двины 18,5 % названий с большой достоверностью могут быть отнесены к славянским, 17,5 % гидронимов получили балтскую интерпретацию, 64 % названий сопоставимы как со славянскими, так и с балтскими языковыми данными, 8 % – имеют финно-угорские топонимические параллели [47].

Физический облик носителей данной культуры при доминирующем европеоидном типе имел некоторые монголоидные черты, что также может являться маркером наличия финно-угров на Белорусском Поозерье. Согласно выводу И. В. Чквини и А. И. Кушнирова, в западной части восточнославянского ареала (у западных кривичей) – в зонах контактов с балтами – преобладали долихо- и мезокранные массивные варианты, в восточной же части (у восточных кривичей) – долихокраний, более узколицый вариант с меньшим углом выступания носовых костей, что интерпретируется как результат метис-

ции с финно-угорскими группами [55, с. 37; 120, с. 45–46]. Древние финно-угры так же, как и «норвежцы», знали лишь присвоившие им формы хозяйства – охотой, рыболовством и собирательством [39, с. 9–11].

Начало миграции индоевропейцев в регионе. В начале бронзового века (рубеж III – II тыс. до н. э.) территорию Северной Беларуси заселяют племена индоевропейцев. Длительному процессу сопутствования распространение культуры шнуровой керамики, которая считается общей для германцев, славян и балтов. Северобелорусский вариант данной культуры связывают с протобалтским населением. Индоевропейцы продвигались в регион, вероятно, с западного или северо-западного направления. Здесь они вступили в этнокультурное взаимодействие с предстепителями норвской культуры, так же, как финно-уграми, носителями культуры ямочно-гребенчатой керамики. Это приводило к миксции разноэтнических культурных форм. Хотя индоевропейское население стояло на более высоком уровне культурного развития и было более многочисленным, оно не избежало трансформирующего влияния под воздействием местных культур. Некоторые исследователи (Н. М. Гурин) полагают, что в данном взаимодействии, в частности с носителями норвской культуры, происходило формирование отличительных черт балтского народа. В раннем периоде мегалитической культуры Белорусского Поозерья сохранялись значительно больше признаков черт в сочетании с соседними

культурными областями и южных территориях. В регионе отсутствовало собственное сырье для выплавки бронзы, ощущался недостаток кремния. Поэтому в производстве хозяйственного инвентаря широко использовались кость и рог [39, с. 15–16].

Днепро-двинская археологическая культура. Основные направления развития этнокультурных процессов, которые впервые проявились в бронзовом веке, сохранились и в последующую эпоху. Железный век (VII–VI вв. до н. э. – IV–V вв. н. э.) представлен территории Белорусского Поозерья преимущественно племенами днепро-двинской культуры, которую связывают с балтами. На южных и юго-западных окраинах присутствовали племена культуры штрихованной керамики (также балтской). На северо-востоке прослеживалось влияние финно-угров (текстильная керамика). К данному периоду принадлежат первые письменные свидетельства о местных народах. Древнегреческий историк Геродот упоминал идрогов, которых иногда отождествляют с предстепителями днепро-двинской культуры. Известное в древнеримских источниках название восточнославянской реки Рубон относят к Двине. Днепро-двинская культура имела два региональных типа: западный и восточный (смоленский), к последнему относится Витебское Подвинье. Условная граница между ними проходила по линии Езерище – Шумилино – Бешенковичи – Чашники. Характерные черты днепро-двинской археологической культуры формировались под воздействи-

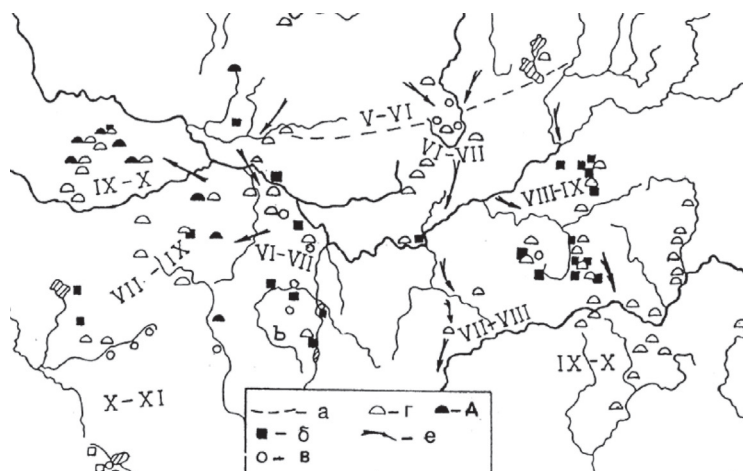
ем внешних влияний – прежде всего культуры штрихованной керамики. В IV–VII вв. н. э. днепро-двинская культура трансформировалась в тушемлинскую (бнцеровскую, бнцеровско-тушемлинскую) [39, с. 19; 117, с. 132–133].

Тушемлинская археологическая культура. Как предполагет В. В. Седов, генезис тушемлинской археологической культуры был связан с крупной миграцией в конце IV – начале V в. в селения из Висло-Одерского региона (в основном славян, также небольших групп германцев и западных балтов). Эти переселенцы из земель, где был распространён провинциально-римская культура, при участии боригенных племен «днепровских балтов» (днепро-двинская культура) и «срединных балтов» (культура штрихованной керамики), по мнению В. В. Седова, стояли у истоков новой культуры [99]. Г. В. Штыхов также считает, что славяне имели отношение к пмятникам типа Бнцеровщины и Тушемля [127]. Л. Д. Поболь полностью относит пмятники типа верхнего слоя Бнцеровщины, Тушемля и Колочин к славянам [80, с. 159].

В Северной Белорусии изделия из железа начали появляться во 2-й половине I тыс. до н. э., широко использовались – лишь к концу I тыс. В регионе имелась болотная руда, из которой и было налажено производство орудий труда (топоры, серпы, ножи, иглы, шилья, бритвы, наконечники стрел и копий), также украшения (браслеты, подвески, шпильки). Однако вплоть до начала нашей эры кременные орудия труда (преимущественно топоры) продол-

жали использоваться в регионе и раньше с железными. Применялись для изготовления хозяйственного инвентаря также кости и рога. Изготавливались глиняные плоскодонные сосуды (первоначально бнчные формы, позже – специально профилированные). Встречалась керамика со штриховкой, также текстильная. Наряду с животноводством значительную роль до конца I тыс. н. э. в системе местных практик жизнеобеспечения занимал охотничий промысел. В домашнем хозяйстве содержались коровы, лошади, козы, свиньи. Возросла роль подсечно-огневого земледелия. Высеивались ячмень, овес, просо, бобовые. Погребения тушемлинской культуры представляются грунтовыми могильниками с трупосожжениями [39, с. 19]. В селении в репер распространения тушемлинской культуры проживало в наземных или полуземляночных жилищах четырехугольной формы, имеющих открытые очаги либо печи-камни в центре помещения. Изготавливались лепные гонимые керамики с примесью дресвы в керамическом тесте [117, с. 132–133; 125, с. 106–107].

Направления и хронологические рамки славянской миграции на территорию Белорусского Поозерья. Проникновение славян на территорию Белорусского Поозерья происходило по нескольким направлениям. Этим целям на юге мог служить, например, водный путь из Приднепровья по Березине – притоку Днепра, который использовался дреговичами. Ряд исследований позволяет думать, что кривичи, основное славянское население Белорусского Поозерья, продвигались в регион с се-

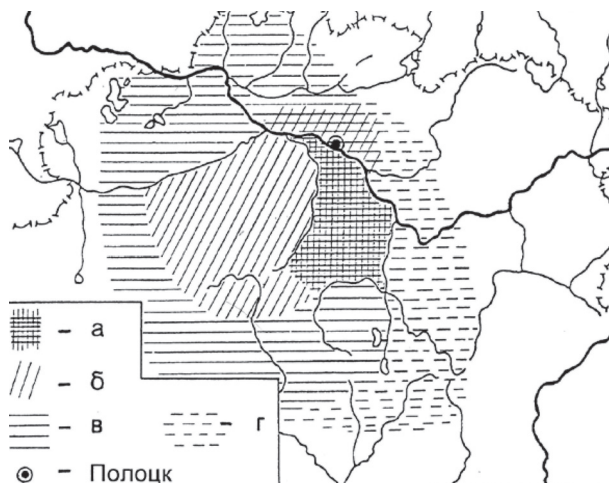
Расселение кривичей на Белорусском Подвинье (VI–XI вв.): — южная граница расселения псковских кривичей в V–VI вв.; б, в — поселения (селища и городища) псковской, тушемлинской культур в последней четверти I тыс. н. э.; г — могильники культуры длинных курганов; д — курганы с трупоположениями в X–XI вв. и лепной керамикой; е — граница расселения кривичей (согласно В. В. Енукову и О. Н. Левко) [60]

верного и северо-западного направления — от верховья реки Великой [1; с. 28]. Г. В. Штыхов считает эту гипотезу спорной — материальными последними археологическими находками на Белорусском Подвинье указывают на то, что длинные курганы появляются на Полотчине несколько ранее или одновременно с такими же на Псковщине. По мнению Г. В. Штыхова, комплекс культуры длинных курганов имеет местные корни в памятниках III–V вв., и, возможно, носители культуры ранних длинных курганов в середине I тыс. н. э. продвинулись на Псковщину и в верховья реки Великой именно с территории Белорусского Подвинья [127].

Наиболее ранние кривичские могильники середины I тыс. н. э. были выявлены в Россонском районе — на севере региона. Археологические памятники VI–VII вв. свидетельствуют

о том, что кривичи расселялись вдоль рек Дрисса и Полота в Полоцком Подвинье, затем — в Ушачском Поозерье. Можно предположить, что междуречье Западной Двины, Ушачи и Уллы стало центральной зоной формирования территории княжества полоцких кривичей, затем Полоцкой волости. На западе ее территория достигла района Глубокого. Кривичские пункты расселения полоцких кривичей на юго-западе расположены в Вилейском и Мядельском районах. На востоке и юго-востоке кривичи продвинулись в Витебское Подвинье и верховья Оршанского Поднепровья [60, с. 36–37; 61; 98]. Южным соседом кривичей являлись дреговичи — предстепители второго крупнейшего на территории Белорусии славянского союза. Согласно Г. В. Штыхову, граница между расселением кривичей и дреговичей проходила вдоль условной линии З —

Территория формирования Полоцкого княжества :
 – ядро территории полоцких кривичей в VI–VIII вв.; б – зона княжения полоч и в VIII–IX вв.; в, г – княжество Рогволод в X в. (согласно О. Н. Левко) [60]

сл вль – Логойск – Борисов – Крупки [127].

Т ким обр зом, сл вянск я мигр ция н территорию регион проходил н протяжении V–XI вв. [99]. Ее первую волну Г. В. Штыхов связывает с появлением в регионе н ряду с круглыми кург н ми с трупосожжениями длинных в лобор зных н сыпей. Н ибольший прирост сл вянской мигр ции приходится н вторую волну (VIII–X вв.), что «отр жено в м тери льной культуре появлением лепной кер мики с плечик ми», т кже бронзовых плоских серповидных височных колец с зходящими конц ми [127]. Процесс имел х р ктер преимущественно мирной инфильтр ции сл вянских крестьянских общин в иноэтническую среду б лтского и относительно м лочисленного финно-угорского н селения. Р сселение сл вян первонач льно имело оч говый х р ктер. Переселение сл вян н территорию проживания б лтов и финно-угров привело к р звертыв нию сложного этноэволюционного процесса , итогом которого ст ло фор-

миров ние в Белорусском Поозерье новой этнической группы – полоч н-кривичей.

Полоцко-смоленские кривичи.

Вопрос об этнической идентификации летописных кривичей и полоч н вызвал в н учном сообществе ряд дискуссий. Можно выделить несколько основных н пр влений («сл вянское», «б лтское» и «протосл вянское»), которые по-р зному тр ктуют проблему этнической принадлежности кривичей. В историогр фии преобл д ет т кже две противополо-

Височные украшения культуры смоленско-полоцких длинных кург нов (источник: Седов В. В. Сл вяне: историко- рхеологическое исследование. М., 2002)

ложные точки зрения на происхождение полочан. Часть исследователей относят полочан к кривичам (М. В. Довнар-Зпольский, В. И. Пичет, П. Н. Третьяков, Г. Ф. Дебец, М. Я. Гринблат, В. В. Седов, Г. В. Штыхов), другие – рассматривают их как самостоятельную восточно-славянскую этническую группу (П. В. Голубовский, И. Д. Беляев, А. Н. Ясинский, Д. А. Мачинский, Е. А. Шмидт, В. И. Штырдыро) [52; 54, с. 48].

Дискуссионным является вопрос о происхождении названия «кривичи». Выказываются гипотезы о балтском генезисе данного термина (например, от литовского *kirba* – топь либо *krivis* – кривой). Однако в славянских языках корень *крив-* имеет широкое распространение, в том числе в топонимии и антропонимии, что указывает прежде всего на актуальность поиска славянской этимологии этнонима «кривичи». Г. В. Шты-

Бюст полочанки XI в. Происхождение: Домжерицы, Лепельский р-н Витебской обл. Реконструкция И. В. Чквин. Скульпт. Л. П. Яшенко. Национальный исторический музей Беларуси

Бюст полочанин XIII–XIV вв. Происхождение: Лукомль, Чашинский р-н Витебской обл. Реконструкция И. В. Чквин. Скульпт. Л. П. Яшенко. Национальный исторический музей Беларуси. Национальный Полоцкий историко-культурный музей-заповедник

хов считает термин «кривичи» патронимическим названием, образованным от имени родоначальника [127]. Ландшфтерская гипотеза происхождения термина «кривичи» была предложена М. Ф. Филипенко, который предполагает, что первоначальное местность расселения кривичей была «кривой», т. е. холмистой [9, с. 24]. Вопрос о происхождении термина «полочане» не вызывает подобного разнобразия гипотез. Как правило, его происхождение выводится из названия город Полоцк, получившего, в свою очередь, имя от названия реки Полоты, на берегах которой он был основан.

И. В. Чквин рассматривает полочан как славянскую локально-территориальную, родственную группировку, которая возникла на кривичской этнической основе [11, с. 102]. Согласно В. В. Седову, полочане – одна из трех локальных групп кривичей наряду с кривичами

Подвески с княжеским знаменем Владимира Мстиславича, XI в., бронза, золочение (из коллекции 2012 г., 3 полоцкий посёлок, Полоцк). Национальный Полоцкий историко-культурный музей-заповедник

псковскими и смоленскими. Данные группы в дальнейшем трансформировались в два самостоятельных политических объединения (племенные союзы): псковских и полоцко-смоленских кривичей. Формирование полоцко-смоленских кривичей происходило на протяжении VIII–XII вв. В данный этноэволюционный процесс было включено восточное население – дославянский субстрат (преимущественно балты) – при доминировании славянского элемента. Исследователи допускают, что крупные славянские и балтские группы, влившиеся в полоцко-смоленский союз кривичей, были выходцами из бассейна Вислы. По мнению В. В. Седова, прежде чем попасть в Подвинье, славяне из Висло-Одерского региона (венедская группа), пройдя через территорию Мазурского Поозерья и Среднего Поморья, первоначально осели в бассейне реки Великой и Псковского озера. Из данного региона на рубеже VII–VIII вв. они проникли в Белорусское Подвинье.

Крупные славянские миграции на территорию региона, согласно В. В. Седову, были две: в конце IV – начале V в., а также в VIII в. Древнейшими археологическими памятниками в регионе, указывающими на истоки формирования кривичей, В. В. Седов считает археологическую культуру смоленско-полоцких длинных курганов, создателями и носителями которой он признаёт славян, так и балтов, привнесших в тушемлинскую культуру обряд захоронения в длинные курганы. Согласно исследователям, по археологическим памятникам кривичи прослеживаются вплоть до XIII в. [98].

Каменистая икона XII в. с изображением святых равноапостольных Елены и Константины. Найдены при проведении раскопок в Полоцке и Верхнем Замятине. Национальный Полоцкий историко-культурный музей-заповедник

Близкую В. В. Седову позицию в этнокультурной трибуции длинных кург новз ним ли П. Н. Третьяков и Л. В. Алексеев [52]. Следы взаимодействия б лтов и сл вяно в культуре смоленско-полоцких длинных кург нов усм трив ет т кже белорусский исследователь В. И. Шидро. Ученый считает, что н Белорусском Поозерье в эпоху р ннего средневековья н ходилось несколько этнических групп, которые он соотносит с этноним ми кривичей, полоч н, л тыголи (б лты) и н ровы (финно-угры) [117, с. 132–133].

Один из гл вных оппонентов «концепции Третьяков – Седов» Е. А. Шмидт относит кривичей и рхеологическую культуру смоленско-полоцких длинных кург нов к б лт м. По мнению Е. А. Шмидт , лишь к середине IX в. среди б лтов постепенно н чин ют р селяться сл вянские племена , именно – полоч не, которые и сл вянизируют местное н селение [123].

Актова печ ть Ефросиньи Полоцкой, XII в. (н ходк 2015 г.). Аверс с изобр жением лик Иисус Христ . Н цион льный Полоцкий историко-культурный музей-з поведник

Актова печ ть Ефросиньи Полоцкой, XII в. (н ходк 2015 г.). Реверс с н дписью «Господи, помози р бе своей Офросинии». Н цион льный Полоцкий историко-культурный музей-з поведник

В современной белорусской этнологической н уке док зыв ется тезис о сл вянской этнической принадлежности кривичей, допуск ется, одн ко, возможность уч стия в их этногенезе б лтских групп [9, с. 32]. Выделение «полоч н» из кривичского племенного союз происходило, вероятно, в VIII–IX вв. Д нный процесс м ркиров ло формиров ние укрепленного городищ – «гр д» – н р. Полот [60, с. 36–37; 126]. Первое упомин ние о Полоцке содержится под 862 годом в «Повести временных лет»: «...И прия Рюрикъ вл сть всю одинъ, и пришедь къ Ильмерю, и сруби городъ н дъ Волховомъ, и прозв ш й Новгород, и съде ту княж и р зд я мужемъ своимъ волости, и города руб ти, овому Польшескъ, овому Ростовъ, другому Бъллозеро. И по тъмъ городомъ суть н ходницъ В рязи; първи н селници в Новгородъ Словенъ, и в Полотъскъ Кривичи, Ростовъ Меряне, н Бъллозеръ Весь, Муромъ Муром , и тъмн

Фрески середины XII в. в Преображенском храме Спосо-Евфросиньевского монастыря в Полоцке

всёми областями Рюриков» [57]. Д. В. Дуконин на основе многолетних археологических изысканий было подтверждено, что с конца VIII по X в. Полоцк являлся племенным центром на территории распространения культуры смоленско-полоцких длинных курганов, отождествляемой с летописными кривичами. Согласно выводу ученого, скандинавы не оказали существенного влияния на процесс формирования социальной и топографической структуры Полоцка конца VIII–X вв. [35, с. 359]. Однако экономические и культурные контакты со скандинавами и Византией, обусловленные функционированием на территории Подвинья средневекового водного торгового пути «из варяг в греки», способствовали процессу формирования государствен-

ности у полоцких кривичей. Водный путь, который включал реки бассейна Западной Двины и Днепр, связывая Север и Юг Европы, на протяжении I тыс. н. э. послужил не только целям перемещения крупных этнических групп, но также содействовал трансферу и миксации новых элементов материальной и духовной культуры.

Согласно выводу историка А. И. Кушнер, в морфологическом отношении к населению Полоцкой земли X–XIII вв. наиболее близки по этнологогическим признакам жители древних дреговичских земель, что позволяет сделать предположение об их участии в этногенезе южных и частично центральных групп полоцких. Исследователи на основе сопоставления различных хронологических серий с территории региона опровергают предположения о значимом вкладе восточных балтов в формирование этнологогического типа славянского населения Белорусского Поозерья, которое отождествляется с полоцкими кривичами [54, с. 51]. Это не исключает миксации культурных форм во взаимодействии автохтонных балтских и финно-угорских групп со славянами и ассимиляции небольших групп местного населения с автохтонами, т. е. их славянизацию.

Со второй половины XII в. название «кривичи» уступает в регионе место этнониму «русь» («русы», «русичи», «русины», «русские»), что указывает на участие славян Белорусского Поозерья в формировании общевосточнославянского этноса [9, с. 27]. Однако название «кривичская земля» в отношении террито-

рии Полоцкого княжеств спор дически встречается и в более поздних письменных источниках. Не позже XIII в. фиксируются первые прецеденты употребления термин «Белая Русь» в отношении территории россатривого региона [9, с. 32].

Формирование субрегионов Белорусского Поозерья. Одним из важных вопросов этнической истории Белорусского Подвинья является выявление закономерностей образования локальных этнокультурных субрегионов. Существуют различные подходы к решению данной научной проблемы, что приводит к некоторой вариативности результатов исследований. Так, в различных исследованиях в качестве субрегионов Белорусского Поозерья выделяют левобережное и правобережное Подвинье; северо-восточные и юго-западные части региона; Витебское, Полоцкое и Браславское Поозерье (Восточное, Центральное и Западное). Изучение этой проблемы требует сопоставления данных из различных областей научного знания: этнографии, фольклористики, археологии, антропологии, лексикографии, топонимики.

Большое значение при определении локальных регионов имеют сведения лексикографии. В территориальной системе говоров белорусского языка говоры Белорусского Поозерья относят к северо-восточной диалектной зоне, которая, в свою очередь, составляет один из основных типов белорусского диалектного языка. Северо-восточная диалектная зона формируется на базе витебско-могилевских и полоцко-минских групп говоров белорусского

языка. Витебско-могилевскую группу говоров считают центральным типом северо-восточной диалектной зоны, в ней более концентрированы в ее особенности предстывает восточномогилевская часть говоров. Полоцко-минская территория является группировкой периферической [62]. Для родно-песенной традиции региона присущ устойчивый моодийность – исключительное преобладание сольного или унисонного пения. На Белорусском Поозерье получили широкое распространение песенные жанры, которые в других регионах страны представлены менее либо отсутствуют: волочебные, мсленичные, толочные, дожиночные, льяняные, ярные, свдебные голошения. Только в данном регионе Белорусии родильные песни составляют целостную песенную систему, свдебный ритуал более детализирован и содержит черты, схожие с северорусским свдебным обрядом. Характерной чертой региона является бытование здесь традиционной родной зимней игры «Жніцёб Цярэшкі» («Быхры» на Смоленщине), которая представлена преимущественно в Лепельском, Докшицком, Ушачском и Полоцком регионах [16, с. 3–5; 17]. На основе сравнения реловязыковых диалектов с релми, выявленными на территории мелодики обрядов жизненного цикла белорусов, Т. Б. Врфоломеев сделал вывод о близости их конфигурации. При наблюдении исследований тельницы, многие изолинии региональных отличий при этом в обоих случаях идут в направлении с северо-запада на юго-восток. Закономерности форми-

ров ния историко-этногр фических зон внутри регион Белорусского Поозерья Т. Б. В рфоломеев усм - трив ет в н личии древних гр ниц р сселения витебско-смоленских (восточн я зон) и полоцких кривичей (з п дн я и центр льн я или з п дн о-центр льн я зон) [18, с. 3–5].

Т ким обр зом, опир ясь н сведения рхеологии, нтропологии, лексикогр фии, фольклористики и этногр фии, можно выделить следующие субрегионы Белорусского Поозерья: Восточный субрегион – Витебское Подвинье – в сост ве Бешенковичского, Витебского, Городокского, Лиозненского, Сенненского, ч сти Шумилинского и Ч шникского р йонов; Центр льный субрегион – Полоцкое Подвинье – в сост ве Верхнедвинского, Лепельского, Полоцкого, Россонского, Уш чского, ч сти Докшицкого, Шумилинского и Ч шникского р йонов; З - п дный субрегион – Бр сл вское Поозерье – в сост ве Бр сл вского, Глубокского, Миорского, Пост вского, Ш рковщинского, ч сти Докшицкого р йонов. Формиров ние субрегионов восходит к периоду р сселения сл вян н территории Белорусского Поозерья в VI–IX вв., во время которого происходило этнокультурное вз имодействие с втохтонными групп ми б лтов и финно-угров.

Белорусское Поозерье в XIV–XVIII вв. В сост в ВКЛ Полоцк вошел в 1307 г., Витебск – в 1320 г. Этому предшествов л период зн чительного политического и экономического осл бления Полоцк и Витебск , что было обусловлено фео- д льной р здробленностью Полоц-

Титульный лист Библии, изд нной Франциском Скориной в Пр ге в 1517–1519 гг.

кой земли, т кже военной эксп нсией крестоносцев в Приб лтике. В XIV – первой половине XV в. госуд рственные вл сти ВКЛ декл риров ли в отношении Полоцкой и Витебской земель принцип «ст - рины не рух ть и новин не уводить». Офици льное призн ние пр в д нных территорий н определенную втономию способствов ло консерв ции местных соци льных, экономических и юридических тр диций. Н территории Полоцкой земли продолж ли функциониров ть мех низмы формиров ния местной исторической п мяти [25, с. 7–17]. Внешне-экономические связи, сложившиеся еще в эпоху существов ния нез виси- мого Полоцкого княжеств , имели

для Полоцк и Витебск большее значение, нежели внутригосударственные хозяйственные отношения в ВКЛ. Так, в Полоцкой и Витебской землях в XVI в. широкое распространение получил ливонский шиллинг. Важнейшими торгово-экономическими партнерами Полоцк и Витебск являлись Рига и другие города Ганзейского союза. Важный период Полоцк – один из крупнейших (в середине XVI в. – не менее 30 тыс. жителей), второй после Вильно, и богатейших городов ВКЛ [9, с. 55].

С XV в. заметна тенденция унификации основ государственного управления ВКЛ. Началось реформирование правового положения некогда автономных административно-территориальных единиц на территории Белорусского Поозерья. Так, Полотчин и Витебщина утратили статус «земель» и превратились в местничества. В 1504 и 1506 гг. были образованы, соответственно, Полоцкое и Витебское воеводства. Реформы 1555–1556 гг. переклассифицировали традиционные территориально-административные конфигурации, разрушая тем самым традиционные земляческие структуры. Так, Браслав был отнесен к Виленскому воеводству, вошедшему в Витебское воеводство попли Кричев и Рогачев [9, с. 53].

Плотность населения Белорусского Поозерья по сравнению с соседними регионами ВКЛ была более низкой. Не менее заселенной являлась территория днепродвинского водораздела, так же Браславщина. Основная часть сельского населения проживала в небольших деревнях и хуторах. В регионе не было в пол-

ном объеме религиозных «Волочных помер» 1557 г. – и после проведения реформы жизнедеятельность местной крестьянской общины продолжал регулироваться обычными нормами [9, с. 61].

На протяжении XIV–XVI вв. в отношении территории Белорусского Поозерья в государственных и частных документах ВКЛ применялся термин «Русь». Согласно исследованию В. Л. Носевич и М. Ф. Спиридонов, в XVI в. верховье Березины (Днепровской) являлось южной границей распространения данного термина. Ниже этой границы (в отношении Минщины) не входила территория, относительно которой употреблялось название «Литва». Браславский повет также включался в понятие «Литва». Таким образом, в XVI в. граница Полоцкого воеводства являлась западной границей распространения термина «Русь», т. е. началось определение редукции распространения термина «Русь» на землях Белорусского Поозерья, население которого продолжало исповедовать «русскую веру» и пользоваться «русским языком». Экспонентами названия «Литва» на земли, которые исторически входили в область распространения термина «Русь», В. Л. Носевич и М. Ф. Спиридонов склонны связывать не столько с этнокультурными процессами, сколько с административными решениями. По мнению исследователей, это могло быть обусловлено, например, распространением ряда территорий новой системы обложения («литовской службы») [73]. О. И. Дзярнович также считает, что термины «Литва» и «Русь» к середине XVI в.

могли маркировать территориальное пространство различными системами повинностей в пользу крестьян: «В “Литве” это было преимущественно барщина, а “Руси” – натуральная и денежная дань, с середины XVI в. частично приобретает форму чинша» [32].

Для белорусского общества в XIV–XVIII вв. был характерен многоуровневый комплекс с идентификацией. Примером может служить комплексное определение уроженца Полоцка Ф. Скорины, который одновременно называл себя полочником, русином и литвином. Каждый компонент данной формулы несет определенное значение. «Литвином» выходец из Белорусского Подвинья называл себя, чтобы указать на свою государственную-политическую принадлежность. Значит, определение «литвин» в отношении уроженца Полоцкой и Витебской земель являлось политонимом. Однако название «литвин» часто выступало также в роли экзоэтнонима для выходцев с территории ВКЛ в российских официальных документах [115]. Термин «русин» – это конфессиональный маркер, маркирующий принадлежность к православной («русской») вере, но одновременно он указывает и на этнокультурную общность людей языка «русского», т. е. выступало как восточнославянский эндоэтноним (согласно В. Л. Носевичу, «субэтноним»), общий у восточнославянского населения Белорусских Поозерья и Поднепровья с населением Украины [24]. Однако чаще всего Ф. Скорин использует этнохороним «полочанин» – для ВКЛ и Речи Посполитой был свойственен региональный

периферийный этноцентризм. Земляческое сообщество формировалось в границах земель, позже – воеводств.

С конца XVI – начала XVII в. отмечается усиление тенденции к использованию термина «Белая Русь» в польской историографии (М. Стрыйковский, М. Кромер), в картографии и в полемической литературе, а также в российских официальных источниках. Неблюдается единичные случаи белорусской самоидентификации в среде местных интеллигентов (С. Рысинский). Однако отсутствуют сведения о массовом употреблении данного термина населением Белорусского Поозерья. Таким образом, первоначально (вторая половина XVI – начало XVII в.) использовались термины «Белая Русь», «белорусцы/белорусины» в отношении территории Белорусского Подвинья и местного населения носило ограниченный характер. Ситуация изменилась в протекании XVII–XVIII вв., когда, очевидно, стало еще возникать обстоятельств, вызывающих необходимость к упоминанию в документах, тем самым подчеркивая отличие жителей Белорусского Подвинья и Поднепровья от русинов-украинцев и русских-москвитов. Официально данное название институализируется лишь к концу XVIII в. (1796) с образованием в составе Российской империи Белорусской губернии с центром в Витебске [9, с. 61].

Формирование новой системы государственного устройства в Речи Посполитой (1569–1795) сопровождалось увеличением динамики социальных процессов, что привело к трансформации конфессиональной,

демографической, классовой, профессиональной, этнической структуры и селения в регионе. Наиболее яркие и значительные изменения проявились в крупных городах. Более широко и активно распространяться в регионе Могилевское право, которое действовало в Полоцке (1498), Бресте (1500), Дисне (1569), Суроже (1576), Улле (1577), Езерище (1583), Витебске (1597), Друе (1643). Формируется более тесное экономическое и культурное взаимодействие между регионами страны, что объективно способствует формированию белорусской народности. Таким образом, выводим А. И. Кушниром, «антропологический тип белорусов в своих основных чертах формировался в XIV–XVII вв. в результате активизации интеграционных этносоциальных процессов между различными регионами Беларуси, возросшей социальной мобильности и селения, усиления интенсивности межэтнических контактов и расширения круга брачных связей» [53, с. 303, 307; 120, с. 47]. Увеличилось этническое разнообразие обществ, что характерно прежде всего для крупных торгово-экономических центров региона. Таким образом, в последней четверти XVI–XVIII вв. в Полоцке проживали евреи, татары, немцы, венгры, поляки. Значительным по количеству было русское население (московиты), часть которого осталась в городе после взятия его в 1579 г. войсками С. Батория. Со второй половины XVII в. происходит переселение на территорию Белорусского Поозерья староверов. В XVIII в. проявляется устойчивый рост численности еврейского населения, – данная тенденция

еще в большей степени характерна для эпохи, последовавшей за разделом Речи Посполитой. Представители местных элит постепенно интегрируются в состав и этнического привилегированного сообщества Речи Посполитой – «народ шляхетского» [36, с. 54].

Следует отметить также усиление негативных процессов. Экономические и демографические издержки из-за случившихся во второй половине XVII–XVIII в. военных конфликтов Речи Посполитой с российским государством несли прежде всего пограничные области, к которым относится и Белорусское Поозерье. Социально-экономической и культурной стагнации в регионе способствовали также рост межконфессиональных и классовых противоречий в XVII–XVIII вв., что стало одной из причин кризиса Речи Посполитой как независимого государства.

Таким образом, на протяжении XIV–XVII вв. проходил процесс консолидации восточнославянского населения ВКЛ и региона Белорусского Поозерья, в частности, в более широком, нежели землячества, масштабе, что маркировалось распространением с монгольским типом «русины» («русские») [9, с. 99]. Консолидационные процессы и шли на региональном и субрегиональном уровнях. Об этом, например, свидетельствует закрепление с северными и восточными землями ВКЛ термин «Белая Русь», объединившего два крупных региона – Белорусское Подвинье и Поднепровье.

В составе Российской империи. После первого раздела Речи Посполитой 1772 г. вошел в состав Российского

Губерния:	Количество населения.				Прирост в % населения с 1851 г.			
	1851 г.	1858 г.	1897 г.	к 1 янв. 1900 г.	1851 г.	1858 г.	1897 г.	к 1 янв. 1900 г.
Витебская . . .	742.811	781.741	1.502.916	1.548.339	100	105,	202,	283,

Темпы роста населения Витебской губернии в 1851–1900 гг. [119, с. 128]

государств вошел при вобережия часть Полоцкого воеводства с городом Полоцком и большая часть Витебского воеводства. Земли региона были включены в состав Псковской губернии (Витебская, Двинская и Полоцкая провинции). Полоцкая губерния был образован в 1776 г. в состав 11 уездов: Велижского, Витебского, Городокского, Дриссенского, Динабургского, Люцинского, Невельского, Полоцкого, Режицкого, Себежского и Сурожского. В 1778–1796 гг. существовало Полоцкое местничество. После второго раздела Речи Посполитой в 1793 г. части территории бывшего Полоцкого воеводства, присоединенной к Российской империи, был образован Лепельский уезд, вошедший в состав Полоцкой губернии. В 1796 г. образована Белорусская губерния с центром в Витебске путем объединения Полоцкого и Могилевского местничеств. В 1802 г. Белорусская губерния был упразднен, на ее территории возникли Витебская и Могилевская губернии. Витебская губерния включила основную часть территории Белорусского Поозерья, за исключением Браславского и Дисненского уездов, которые вошли в состав Виленской губернии [20, 21].

Вхождение белорусских земель в состав Российской империи способствовало интенсификации этнокультурных контактов между белорусским и русским народами. Основным каналом влияния русской культуры в крае являлись системы образования. Пролонгированное воздействие и развитие этнокультурных процессов в регионе имело подписание 12 февраля 1839 г. в Полоцке «Соборного акта» о воссоединении православной и униатской церквей, а также крестьянская реформа 1861 г. Постепенно в местных городских формированиях образовался русский язык, которую составляли преимущественно чиновники и военнослужащие. На конец XIX в. общее количество всех неместных уроженцев на территории Витебской губернии составляло 7,7 % от общего количества населения [104].

На рубеже XIX–XX вв. среди местных местных уездных городов отмечался рост престижа русской культуры и распространение белорусско-русской смешанной речи. Неблюдлись тенденции общероссийской унификации материальной культуры. Только лишь изредка в костюме городского жителя Витебской губернии начал XX в. можно было встре-

тить тр диционные н родные элементы. В городском быту сохр нял кту льность тр диционн я св - дебн я и родильно-крестильн я обрядность, одн ко он был предст влен в редуциров нном виде. Отмеч л сь тенденция миграции з пределы регион в крупные город Российской империи местных жителей, получивших среднее или высшее образование [119, с. 136].

Белорусские рекруты после возвращения с многолетней службы приносили в крестьянскую среду элементы русского фольклор . Т к, И. Д. Горбчевский в 1896 г. писал о процессах постепенного вытеснения в кр е белорусской н родной песни реперту ром из мещ нского и солдатского фольклор [27]. О культурном влиянии н белорусское крестьянство русских отходников-«стешей» (членов рыбцких бртств (ртелей) из окрестностей русского город Остшков) критично выскзывается в своей книге «Szlachcic Zawalnia, czyli Białoruś w fantastycznych opowiadaniach» Ян Брщевский [134, с. 130].

Витебск я губерния з ним л первое место в Бел руси по количеству ст роверов. Согл сно офици льным данным, в 1837 г. в Витебской губернии прожив ли 22 433 ст ровер , в 1840 – 38 425. Значительный рост количеств ст роверов отмеч лся со второй половины XIX в. (в 1866 г. – 49 198, в 1912 г. – 92 374). Ст роверы н протяжении более трех столетий пребыв ния н территории Белорусского Подвинья избежали симиляции, сохр няя устойчивые особенности своей духовной и м терильной культуры [5; 8, с. 237–240].

В конце XVIII – первой трети XIX в. отмеч ется р звитие полонизационных процессов в среде местной шляхты, преимущественно в западной части регион . Одн из причин д нного явления – неоднородность пр вового поля в Российской империи. Т к, лишь с 1 января 1831 г. было упр зднено действие н территории Витебской губернии Ст тут ВКЛ и вводилось Учреждение о губерниях (1775). Действие же земского положения от 12 июня 1890 г. рспростр нялось н Витебскую губернию с 14 марта 1911 г. Местные органы сословного самоуправления дворянств институ лизиров ли культурно-просветительскую деятельность преимущественно носителей польского н цион льного смосознания. Дворянское поместье, городской дворянский салон т кже ст новились местом кристаллизации польской культурной деятельности в регионе (н пример, эким нск я усдэб господ Беликовичей под Полоцком). Возник ют польскоязычные литературные кружки. Центром польскоязычной литературной деятельности в регионе ст новится льмян х «Rubon» К. Буйницкого. Все вышеперечисленные ф кторы влияли н рспростр нение полонизационных процессов прежде всего в среде поместного дворянств , не з тр гив я порой д же предст вителей мелкой шляхты, о чем с горечью писал А. Рыпинский. В крупных городах кр я, т ких к к Полоцк и Витебск, преобл д лояльн я российскому госуд рству интеллигенция, чему способствов ло открытие в Полоцке и Витебске русскоязычных учебных заведений для дворянств и ме-

щ и (н пример, Полоцкий детский корпус). Польскоязычная культурная среда преобладала в небольших городах, таких как Дисна и Брест. Вследствие польские шляхетские восстания 1830–1831 и 1863–1864 гг. не приобрели на Белорусском Поозерье значительного количества сторонников не только среди крестьянства, но и шляхты [133].

Наиболее значимым калом рспростврения польского культурного влияния, который был эффективен не только в отношении элиты, но и крестьянства, являлись структуры Римско-католической церкви. Визуальным символом польского культурного возрождения в конце XIX – начале XX в. стали храмы, построенные в стиле неоготики.

Внутри польскоязычного по форме культурного производства постепенно проявляется местное «белорусское» содержание, которое первоначально опознано в связи с формированием патриотизма. Оно представлено творчеством Я. Бранцевского, А. Вериги-Доревского, А. Рыпинского, В. Свич-Зблоцкого, И. Храповицкого. Для вышеназванных вторых характерен интерес к белорусской и родной культуре и языку («слвяно-кривическому» у Я. Чечот), отсылки к историческому прошлому полоцких кривичей. В конце XVIII в. в Волынь К. Мршевским создается первая белорусскоязычная пьеса «К медыя». Родиной профессионального белорусскоязычного театрального искусства Полотчина – Прозороки И. Буйницкого. Наконец, с Белорусским Подвиньем исследователи связывают в-

торов первых белорусскоязычных поэтов «Энеид и выворот» и «Трагедия Пирсея» [92, с. 262–270].

Значимое инокультурное влияние на белорусское крестьянство в конце XVIII – начале XX в. оказали евреи, которые составляли большинство населения в местечках и более половины – в крупных городских регионах. Так, в 1897 г. в Витебске проживали 34 440 евреев (52 % от общего количества жителей города) [44, с. 60].

Динамично развивающаяся этническую группу на территории Белорусского Поозерья представляли литвы. Массовое переселение литвы на территорию Беларуси происходило уже в XVIII в., однако наибольшая эмиграция динамик приходится на годы после отмены крепостного права: в 1877–1883 гг. в Витебской губернии литвы составляли около 50 % всех переселенцев. На Витебщине литвы проживали, как правило, на отдельных хуторах. В 1897 г. в Витебском уезде насчитывалось около 4 тыс. литвы, в Полоцком – 1,7 тыс. [40, с. 243; 112, с. 78].

В конце XVIII – начале XIX в. на Белорусском Поозерье достигла многочисленную социальную группу, промежуточную между шляхтой и личнозависимым крепостным крестьянством, составляли панские бояре. В 1782 г. из 6168 человек панских бояр (вместе с семьями) дворянские права получили менее 1 %, остальные были записаны в подданное состояние [22, с. 155].

Тяжелые демографические и экономические последствия, которые сказались на протяжении несколь-

ких десятилетий, имел русско-французская война 1812 г. Крепостное право, действовавшее в Российской империи до 3 марта (19 февраля по стар. ст.) 1861 г., сдерживало развитие производительных сил, негативно влияло на развитие культуры и восстановление человеческих ресурсов. До 1858 г. отмечалось замедление роста крестьянского населения. Реформа 1861 г., освободившая крестьян от крепостной зависимости, способствовала развитию производительных сил в регионе, что, в частности, проявилось в демографическом росте сельского населения. Во второй половине XIX в. на территории региона наблюдался значительный рост населения, которое с 1851 по 1900 г. практически удвоилось. С 1888 по 1897 г. общий коэффициент естественного прироста населения составил 1,53%, общий коэффициент брачности – 0,73% [119, с. 129]. В результате реформ П. А. Столыпина 1907–1916 гг. в результате формирования комплексных демографических, социально-экономических и политических факторов в регионе начался процесс массовой перенаселенности, приведший к миграции местного крестьянства за пределы Беларуси. Строительство железнодорожных линий Двинбург – Витебск (1866 г.), Витебск – Орел (1868 г.), Витебск – Орша – Могилев – Жлобин (1902) благоприятствовало росту мобильности жителей региона. В конце XIX в. общее количество лиц обоего пола – уроженцев Витебской губернии, проживавших вне ее границ, составило 144 761 человек

(около 9,5 % от общего количества населения). Местные крестьяне переселялись преимущественно в Западную Белорусскую область, а также в Томскую, Тобольскую и Иркутскую губернии. Значительным было также количество населения региона, которое переселилось в Санкт-Петербургскую губернию (40 111). Около половины из них в 1897 г. проживали в Санкт-Петербурге. Довольно высокой была сезонная мобильность населения. Так, в 1906–1910 гг. для участия в отхожих промыслах в Витебской губернии было получено 166,7 тыс. патентов. В конце XIX – начале XX в. редкими были случаи трудовой иммиграции выходцев Витебской губернии за рубеж Российской империи [104; 111, с. 78].

Тяжелым испытанием для жителей Белорусского Поозерья стала Первая мировая война. В октябре 1915 г. немецко-российский фронт стабилизировался на линии Двинск – Посты – Барновичи – Пинск. В регион массово прибывали беженцы из оккупированных территорий, часть местного населения эвакуировалась вглубь России, в прифронтовые районы перемещались румынские тыловые службы. На 1 февраля 1917 г. количество эвакуированных из региона в центральные российские губернии составило 51 594 человек [104]. Проводились мобилизация мужского населения, реквизиция и конфискация имущества. Все это в совокупности вело к разрыву родственных и традиционных общинных связей – трансформации этнокультурной структуры населения.

Становление белорусской государственности и укрепление национального суверенитета. С ноября 1917 г. Витебская губерния находилась в составе Западной области Советской России, с сентября 1918 г. – Западной коммуны. С января 1919 г. – часть Советской Социалистической Республики Белоруссии, в январе 1919 г. передана РСФСР. В июле 1919 г. Витебской губернии переданы Сенненский уезд Могилевской губернии, в ноябре 1920 г. – Оршанский уезд Гомельской губернии. В соответствии с мирным договором между РСФСР и Литвией от 11 августа 1920 г. Двинский, Люцинский и Режицкий уезды были переданы Литвийской Республике. В феврале 1923 г. в связи с укрупнением уездов упразднены Городокский, Дриссенский и Сенненский уезды; Лепельский уезд переименован в Бочейковский. 10 марта 1924 г. в связи с первым укрупнением БССР территория Витебского, Городокского, Дриссенского, Лепельского, Оршанского, Полоцкого, Сенненского и Сурожского районов вошла в состав БССР. Велижский, Невельский и Себежский уезды были переданы в состав Псковской губернии РСФСР [29, с. 8–12].

По итогам советско-польской войны 1919–1921 гг. значительная часть западных территорий Белорусии осталась под польской оккупацией до сентября 1939 г. В Польше основными административно-территориальными единицами являлись воеводства и составлявшие их поветы. Земли региона входили в состав Браславского, Дисненского и Дуниловичского (в 1925 г. – Постовский) поветов [43].

На протяжении второй половины 20-х гг. XX в. в русле политики белорусизации в регионе открывались белорусские школы, выходили белорусскоязычные пресса, вернулся рабочий клуб еврейского движения, активно действовали члены литературной группы «Млэдняк». В соответствии с постановлением Президиума ЦВК БССР, принятым в 1926 г., в местах компактного проживания этнических меньшинств создавались национальные сельские Советы. В подобных сельсоветах открывались школы, избы-читальни, клубы. В начале 30-х гг. XX в. происходит сворачивание политики белорусизации, на протяжении 30–40-х гг. XX в. разворачиваются политические репрессии, проводится коллективизация крестьянских хозяйств – в целом это приводит к значительным социально-экономическим и культурным трансформациям в обществе. Одной из наиболее значимых вех XX в. в этнокультурном развитии белорусов и населения региона, в частности, стало объединение западных и восточных земель Белорусии в составе БССР, которое состоялось 17 сентября 1939 г.

Тяжелые экономические и человеческие потери понесло население Белорусского Подвинья в годы Великой Отечественной войны. Только в итоге проведения одной крупной операцией партизан под кодовым названием «Зимнее волшебство» («Operation Winterzauber») на территории Дриссенского, Освейского, Полоцкого и Россонского районов Белорусии, также в Себежском районе Псковской области РСФСР (февраль–апрель 1943 г.) было сожжено 439 населенных пунктов и убито бо-

более 10 тыс. мирных жителей, тысячи – угнаны и принудительные рабы. Особо пострадали Освейский район, который практически лишился своего населения – часть людей была уничтожена либо угнаны и принудительные рабы, оставшиеся в живых покинули превратившуюся в пепелище территорию [41, с. 22–23]. Всего в Витебской области нецисти были уничтожены 151 421 человек городского населения и 92 891 военнопленный, вывезено в рабство 68 434 человек. В Полоцкой области, соответственно, уничтожено 105 211 человек городского населения и 157 007 военнопленных, вывезено в рабство 52 599 человек. Наибольшие потери в ходе войны понесло коренное белорусское население. Систематическому уничтожению со стороны нецистов подверглись евреи и цыгане [63].

В послевоенный период Беларусь восполнила с привлечением материальных и человеческих ресурсов всего СССР. В регион приезжали спецлисты, представляющие десятки различных наций. Наибольший прирост миграции в регион наблюдался во время возведения крупных промышленных комплексов. Одним из крупнейших объектов «всесоюзной стройки» на территории Белорусского Подвинья стал Новополоцк (в 2014 г. в Новополоцке проживали представители 53 наций: белорусы – 80,89 %, русские – 15,51, украинцы – 1,47, другие – 2,13 %). В послевоенные годы заметился отток из региона постоянное место жительства в Латвийскую ССР представителей русского и циганского национального меньшинства. В 70–80-х годах XX в. значительно

возросла эмиграция за рубеж евреев. Согласно Всесоюзной переписи 1989 г., удельный вес белорусов в общей численности населения Витебской области составил 79,4 %. Второй по численности этнической группой региона являлись русские – 15,2 %, за ними следовали украинцы (1,8 %), и по мере убывания – поляки, евреи, цыгане, татары. В 60–80-х годах XX в. развивались процессы интенсивной урбанизации региона. Их следствием стало снижение демографического потенциала сельской местности и трансформация сложившейся системы расселения. С 60-х по 90-е годы XX в. в Витебской области на 25 % уменьшилось количество сельских населенных пунктов. В городе распространяемым явлением стало русско-белорусский билингвизм с преобладанием русского языка в общении [79].

Процессы урбанизации характерны и для современной эпохи, однако наблюдается снижение их интенсивности. Так, в Витебской области с 1985 по 2006 г. доля городского населения возросла с 60,8 до 70,8 %, численность горожан достигла 916,0 тыс. человек. Витебск является третьим по численности населения городом Беларуси [79].

Современная Витебская область отличается с мыми высокими в стране показателями снижения численности населения и его естественной убыли. Так, в 2009 г. в Витебской области насчитывалось 1230,8 тыс. человек, в 2016 г. – 1193,6 тыс. (в городах – 916 691 человек, население – 276 896). В 2013 г. общий коэффициент естественного прироста для Витебской области в целом составил –4,3%. Минимальный коэффи-

	Всего	Из общей численности лиц данной национальности в качестве родного языка указали язык									
		своей национальности	русский	белорусский	украинский	польский	цыганский	литовский	два и более языка	другой	язык не указан
A	1	2	3	4	5	6	7	8	22	10	11
Численность населения	1 230 821	764 392	422 810	11 857	281	100	84	38	3 507	3 794	23 958
белорусы	1 047 978	634 931	402 315	-	196	86	63	16	3 265	2 944	4 162
русские	124 958	120 849	-	3 462	48	8	8	9	120	118	336
поляки	11 141	1 188	3 626	6 195	16	-	0	9	19	75	13
украинцы	14 557	3 857	9 715	839	-	2	4	0	30	57	53
евреи	2 127	33	1 870	186	3	0	1	0	9	4	21
армяне	1 149	570	521	26	0	0	0	0	5	12	15
татары	822	139	555	112	1	0	0	1	2	6	6
цыгане	1 186	687	347	68	0	0	-	1	15	49	19
литовцы	624	225	303	74	0	3	0	-	2	5	12
азербайджанцы	646	338	259	25	0	0	0	0	2	3	19
латыши	499	124	320	45	0	0	0	0	1	7	2
эстонцы	65	14	43	8	0	0	0	0	0	0	0
грузины	285	128	132	7	0	0	0	0	11	5	2
казахи	170	24	127	16	0	0	0	0	0	2	1
киргизы	12	3	6	2	0	0	0	0	0	0	1
молдоване	522	214	275	17	3	0	0	0	1	8	4
таджики	144	55	80	2	0	0	0	0	0	7	0
туркмены	315	281	29	1	0	0	0	0	0	0	4

Н селение по н цион льности и родному языку согл сно переписи 2009 г., Витебск я обл сть

	1970	1979	1989	1999	2009
Все население	1 370 006	1 385 372	1 409 909	1 377 161	1 230 821
Белорусы	1 131 584	1 133 027	1 119 479	1 129 141	1 047 978
Русские	167 656	187 016	213 911	187 872	124 958
Поляки	24 876	17 308	25 266	21 003	11 141
Украинцы	19 819	23 757	26 148	21 926	14 557
Евреи	17 343	15 080	12 702	4 633	2 127
Армяне	335	342	571	1 431	1 149
Татары	1 544	1 413	1 538	1 258	822
Цыгане	1 100	1 274	1 716	1 598	1 186
Азербайджанцы	203	259	726	834	646
Литовцы	1 138	1 027	1 079	917	624
Молдаване	232	409	720	649	522
Немцы	232	353	476	639	268
Грузины	186	207	341	384	285
Узбеки	354	370	672	249	221
Латыши	909	788	759	755	499
Казахи	209	200	307	206	170
Чуваши	359	405	531	396	221

Национальный состав населения Витебской области согласно переписей 1970, 1979, 1989, 1999 и 2009 гг. (источник: Статистический ежегодник Витебской области, 2016 г. С. 54)

коэффициент (-13,7‰) был зафиксирован в Ушачском районе, markedly - в Новополоцке [14, 79].

Средняя плотность сельского населения (его удельный вес 29,9 %) – около 10 чел/км² (в 2014 г. Россонский и Городокский районы – 2,5 и 3,5 чел/км²). Более 70 % сельских поселений Витебской области относятся к мелким (менее 50 человек) и мельчайшим. Область имеет с

высокий удельный вес населения в пенсионном возрасте. В 2016 г. насчитывался 321 741 человек старше трудоспособного возраста (женщины 55 лет и старше, мужчины 60 лет и старше). Средняя ожидаемая продолжительность жизни по области ниже, чем в среднем по республике [79].

В современную эпоху Белорусское Поозерье характеризуется гармоничными этнонациональными и межкон-

*«Город м стеров»
в дни традиционного
международного
фестиваля искусств
«Славянский базар»
в Витебске*

фессиональными отношениями. Согласно переписи населения Республики Беларусь 2009 г., в Витебской области белорусы составляли 85,1 %, русские – 10,2, украинцы 1,2, поляки 0,9, евреи 0,2, армяне, цыгане, татары, гербейджинцы, литовцы – по 0,1 % в общей структуре населения. Регион имеет высокий потенциал для социально-экономического и культурного развития. В частности, население Витебской области отличается одним из самых высоких

в стране уровнем образования – среди всех занятых доля лиц с высшим и средним специальным образованием составляют 43,5 %. Динамично развивающимися и научно-образовательными и культурными центрами региона являются УО «Полоцкий государственный университет», УО «Витебский государственный университет им. П. М. Машера», УО «Витебский государственный технологический университет».

Литература и источники

1. Алексеев, Л. В. Золотые земли домонгольской Руси / Л. В. Алексеев. – Кн. 1. – М.: Наука, 2006. – 289 с.
2. Андринов, Б. В. Историко-культурные области / Б. В. Андринов // Народы мира: ист.-этногр. справ. – М.: Сов. энцикл., 1988. – С. 580–585.
3. Аникиевич, К. Т. Сенненский уезд Могилевской губернии: опыт описания в географическом, историческом, этнографическом, бытовом, промышленном и статистическом отношениях, с картой уезда, схемой двух озёр и рисунками в тексте / К. Т. Аникиевич. – Могилев: Губерн. тип., 1907. – 149 с.
4. Анимелле, Н. Быт белорусских крестьян / Н. Анимелле // Этнографический сборник, изданный Императорским Русским географическим обществом. – СПб., 1854. – Вып. II. – С. 111–268.
5. Аўсейчык, У. Я. Асаблівасці народнага доўлідства ў Віцебшчыне (пачаткі XIX – пачаткі XX ст.) / У. Я. Аўсейчык // Актуальныя праблемы архітэктуры

Беларускага Палесся і суседніх рэгіёнаў: сб. ст. Респ. н уч.-пр кт. семін р , Новопалцк, 8–9 окт. 2015 г. / М-во абр зов ния Респ. Бел русь; Полоц. гос. ун-т; под общ. ред. В. Е. Овсейчик (отв. ред.), Г. И. З х ркиной, Р. М. Пл тоновой. – Новопалцк: ПГУ, 2015. – С. 38–42.

6. Б біч, А. Ю. Гісторыя этн гр фічн г і ф льклорн г вивучэння П дзвіння ў другой п лове ХХ – п ч тку ХХІ ст годдзя / А. Ю. Б біч // Бел руск е П дзвінне: вопыт, методык і вынікі п ляхых д след в нняў (д 80-годдзя п ч тку рхе л гічных р скоп к у г. Пол цку): сб. н вук. пр ц Рэсп. н вук.-пр кт. семін р , Пол цк, 20–21 ліст п. 2008 г. / п д гул. рад. Д. У. Дук , У. А. Лоб ч . – Н в пол цк: ПДУ, 2009. – С. 143–153.

7. Б ршчэўскі, Я. Шляхціц З в льяна, бо Бел русь у ф нт стычных п вяд нях / Я. Б ршчэўскі // Выбр. тв. / укл., пер. з пол. М. Х ўстовіч . – Мінск: Бел рус. кніг збор, 1998. – С. 81–282.

8. Без-Корнилович, М. О. Исторические сведения о примеч тельнейших мест х в Белоруссии с присовокуплением и других сведений к ней же относящихся / М. О. Без-Корнилович. – СПб.: Тип. III Отд. Собст. Е. И. В. К нцелярии, 1855. – 361 с.

9. Бел русы. – Т. 4: Вытокі і этнічн е р звіццё / рэдк л.: В. К. Б ндрчык [і інш.]. – Мінск: Бел рус. н вук , 2001. – 433 с.

10. Бел русы. – Т. 5: Сям'я / В. К. Б ндрчык [і інш.]. – Мінск: Бел рус. н вук , 2001. – 275 с.

11. Бел русы. – Т. 10: Сл вянкія этн культурныя тр дыцыі / рэдк л.: І. У. Ч квін [і інш.]. – Мінск: Бел рус. н вук , 2007. – 514 с.

12. Белов , О. В. Портрет этнічнага сусед : евреі гл з ми сл вян (по фольклорно-этнагр фічэскім м тери л м с Витебщины) / О. В. Белов // Бел руск е П дзвінне: вопыт, методык і вынікі п ляхых і міждысцыплін рных д след в нняў: сб. н вук. пр ц Міжн р. н вук.-пр кт. к нф., Пол цк, 21–23 кр с. 2011 г.: у 2 ч. – Ч. 1. – ПДУ, 2011. – С. 130–136.

13. Беларуское Палесся: язык и духовн я культур / под общ. ред. А. М. Мезенко, А. В. Русецкого. – Мінск: Бел рус. н вук , 2001. – 214 с.

14. Бобрик, М. Ю. Особенности естественной убыли н селения дминистр тивно-территори льных единиц Витебской обл сти / М. Ю. Бобрик // Н ук – обр зов нию, производству, экономике: м тери лы ХХ Регион. н уч.-пр кт. конф. препод в телей, н уч. сотрудинок и спир нтов, Витебск, 12–13 м рт 2015 г.: в 2 т. – Витебск: ВГУ имени П. М. М шеров , 2015. – Т. 1. – С. 30–32.

15. Богд нович, А. Е. Пережитки древняго мирозозерц ния у белорусов. Этнагр -фічэскі очерк / А. Е. Богд нович. – Гродн : Губерн. тип., 1895. – [1], III, 186 с.

16. В лодзін , Т. В. «Цярэшк – святое дзел »: Ж ніцьб Цярэшкі н Лепельшчыне (п водле суч сных з піс ў) / Т. В. В лодзін . – Віцебск, 2010. – 112 с.

17. В рфоломеев , Т. Б. Музык абрадов жызннага цыкл беларусов / Т. Б. В рфоломеев , Н. А. Козенко // Искусство и культур . – 2012. – № 4. – С. 111–118.

18. В рфоломеев , Т. Б. Северобелорусск я св дьб : обряд, песенно-мелодические типы / Т. Б. В рфоломеев . – Мінск: Н ук и техник , 1988. – 156 с.

19. Вер шч гін , А. У. Гісторыя к нфесійн Бел русі ў другой п лове ХХ ст годдзя / А. У. Вер шч гін , А. В. Гурко. – Мінск: ІСПД, 1999. – 139 с.

20. Витебск я губерния: госуд рственные, религиозные и общественные учрежде-ния (1802–1917) / Т. Е. Леонтьев [и др.]; редкол.: А. К. Голубович (гл. ред.) [и др.]. – Мінск: БелНИИДАД, 2009. – 524 с.

21. Витебск я губерния: ист.-геогр. и ст т. обзор / под ред. В. М. Долгоруков . – Витебск: Губерн. тип., 1890. – 387 с.

22. Военно-ст тистическое обозрение Российской Империи. – Т. 8, ч. 1: Витебск я губерния / сост. М. О. Без-Корнилович. – СПб.: Тип. Деп рт мент Генер льного Шт б , 1852. – 267 с.

23. Волков, Н. Г. Этнічэск я історыя: содэрж нне панятыў / Н. Г. Волков // Сов. этногр фия. – 1985. – № 5. – С. 16–25.
24. Гленчнк, Г. Я. Дпытння б этнічных і этн к нфесійных к тэгорыях Вялік г княств Літоўск г XIV–XVI стст.: «бел русцы», «ліцвіны» і «русіны» ў дыскурс х суч сных д следчык ў і пісьмовых крыніц х / Г. Я. Гленчнк // *Studia historica Europae Orientalis*. Исследов ния по истории Восточной Европы. – Минск: Изд. центр БГУ, 2008. – Вып. 1. – С. 9–19.
25. Глубовіч, В. У. *Miscellanea historica Polocensia* = Д след в нні п гісторыі Пол ччыны XII–XVII стст. / В. У. Глубовіч. – Гродн : ГДАУ, 2014. – 223 с.
26. Генкин, В. М. Ойконимия и к тойконимия Беларускаго Поозер'я / В. М. Генкин. – Витебск: Изд-во УО «ВГУ им. П. М. М шеров », 2008. – 115 с.
27. Горб чевский, И. Д. Древность белорусских песен и их н певов (песни Лепельского уезд) / И. Д. Горб чевский // Витебские губернские ведомости. – 1896. – № 83.
28. Горб чевский, И. Д. Лепельский уезд Витебской губернии / И. Д. Горб чевский. – Витебск: Губерн. тип., 1895. – 38 с.
29. Госуд рственныє гр ницы Бел руси: сб. документов и м тери лов: в 2 т. – Т. 1. (м рт 1917 – ноябрь 1926) / сост.: В. Е. Сн пковский [и др.]. – Минск: БГУ, 2012. – 495 с.
30. Гурко, А. Вик. Новые религии в Республике Бел русь: генезис, эволюция, последов тели / А. Вик. Гурко. – Минск: МИУ, 2006. – 274 с.
31. Гурко, А. Вл. Беларуск я этнология в XXI веке: проблемы и перспективы / А. Вл. Гурко [Электронный ресурс]. – Режим доступ : <http://www.imef.basnet.by/narodist.html>. – Д т доступ : 26.03.2017.
32. Дзярновіч, О. І. «Літв » і «Русь» XIII–XVI вв. к к концепты беларускай історыі / О. І. Дзярновіч // *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana* / Петербургские сл вяньские и б лк нские исследов ния. – 2009. – № 1–2. – С. 234–249.
33. Дмитриев, М. А. Собр ние песен, ск зок, обрядов и обыч ев крестьян Северо-З п дного кр я / М. А. Дмитриев. – Вильно: Печ тня А. Г. Сыркин , 1869. – 264 с.
34. Доленг -Ход ковский, З. Я. Р зыск ния к с тельно русской истории / З. Я. Доленг -Ход ковский // *Вестн. Европы*. – 1819. – № 20. – С. 277–302.
35. Дук, Д. У. Асноўныя д сягненні рхе л гічн йн вукі ў вывучэнні Пол цк / Д. У. Дук // Пол цк у гісторыі і культуры Еўропы: м тэрыялы Міжн р. н вук. к нф., Пол цк, 22–23 м я 2012 г. / Н ц. к д. н вук Бел русі, Ін-т гісторыі, Пол ц. дзярж. ун-т; рэдк л.: А. А. К в лена [і інш.]; н вук. рэд., укл д. В. М. Ляўко. – Мінск: Бел рус. н вук , 2012. – С. 357–363.
36. Дук, Д. У. Пол цк і п л ч не (IX–XVIII стст.) / Д. У. Дук. – Н в пол цк: ПДУ, 2010. – 180 с., [22] рк., іл. 212.
37. Жучкевич, В. А. Общ я топонимик / В. А. Жучкевич. – Минск: Вышэйш. шк., 1968. – 432 с.
38. З горульский, Э. М. Древняя история Белоруссии. Очерки этнической истории и м тери льной культуры до IX в. / Э. М. З горульский. – Минск: Изд. БГУ им. В. И. Ленин , 1977. – 136 с.
39. З йкоўскі, Э. М. Перш бытныя помнікі П ўночн й Бел русі / Э. М. З йкоўскі. – Мінск: Н вук і тэхнік , 1990. – 44 с.
40. З х ркевіч, С. А. Этнічныя менш сці Бел русі: вопыт с цяяльн й тр нсф рм цыі ў XIX – п ч тку XX ст. / С. А. З х ркевіч // *Пр цы гіст рычн г ф культэт БДУ: н вук. зб.* – Вып. 4 / рэдк л.: У. К. Коршук (дк. рэд.) [і інш.]. – Мінск: БДУ, 2009. – С. 242–249.
41. «Зимнее волшебство». Н цистск я к р тельн я опер ция в беларусско-л твийском погр ничье, февр ль–м рт 1943 г.: документы и м тери лы. – М.: Фонд «Историческ я п мять», 2013. – 512 с.
42. Ив нов, В. В. Приметы и поверья крестьян Витебского уезд Витебской губернии / В. В. Ив нов // *З писки Северо-З п дного отд-ния ИРГО*. – 1910. – Кн. 1. – С. 208–213.

43. Ивнов, Т. П. Деятельность государственных органов управления витебской губернии во время польско-советской войны 1919–1920 гг. [Электронный ресурс] / Т. П. Ивнов // Журнал международных и межродных отношений. – 2005. – № 3. – Режим доступа : <http://evolutio.info/content/view/773/113/>. – Дата доступа : 05.03.2017.
44. Иоффе, Э. Г. Страницы истории евреев Беларуси: краткий учеб.-популярный очерк / Э. Г. Иоффе. – Минск: АРТИ-ФЕКС, 1996. – 294 с.
45. Клециц, Е. Г. Палеолит Беларуси в свете новых данных / Е. Г. Клециц // Матэрыялы пра археалогію Беларусі. – Вып. 18: Дадаткі да гісторыі бронзавога вяку (Добрыяў У. Ф. Ісці і М. М. Чарняўскі). – 2010. – С. 37–44.
46. Крэйскі, Е. Ф. Беларусь: Введение к изучению языка и речи словесности / Е. Ф. Крэйскі. – Вильно: Тип. А. Г. Сыркин и Врш. учеб. окр., 1904. – [2], II, X, 3–466 с.
47. Котонов, Е. М. Древние гидронимии об лто-славянских контктах на севере Белоруссии / Е. М. Котонов // Блто-славянские исследования. – 1980. – М., 1981. – С. 177–184.
48. Киркор, А. К. Этнографический взгляд на Виленскую губернию / А. К. Киркор // Этнографический сборник. – 1858. – Вып. 3. – С. 115–276.
49. Козлов, В. И. Типы этнических процессов и особенности их исторического развития / В. И. Козлов // Вопросы истории. – 1968. – № 9. – С. 95–109.
50. Крчковский, Ю. Ф. Быт среднего русского селянина / Ю. Ф. Крчковский. – М.: Изд. Император. О-ва истории и древностей российских при Московском ун-те, 1874. – 212 с.
51. Кухаронка, Т. І. Рэзінныя звычкі і брэды Беларусі ў канцы XIX – XX ст. – годзяў / Т. І. Кухаронка. – Мінск: Навука і тэхніка, 1993. – 126 с.
52. Кучин, Ю. С. Проблемы этнической идентификации кривичей в отечественной историографии сер. XX в. – нач. XXI в. / Ю. С. Кучин // Вестн. МГОУ. – 2013. – № 4. – С. 5–14.
53. Кушнир, А. И. Этносоциальные процессы в Беларуси XIV – первой половины XVIII в. в свете этнологологических данных / А. И. Кушнир // Актуальные вопросы этнологии. – Минск, 2010. – Вып. 5. – С. 295–309.
54. Кушнир, А. И. «Полоцк» в палеоэтнологии Восточной Европы / А. И. Кушнир // Этнокультурное развитие Беларуси в XIX – нач. XX в.: материалы Междунар. науч.-практ. конф. / редкол.: Т. А. Новгородский (отв. ред.) [и др.]. – Минск: БГУ, 2011. – С. 48–52.
55. Кушнір, І. А. Этнігістычныя саблівасці фарміравання этнакультурных сельніцтваў Беларусі / А. І. Кушнір, І. У. Чаквін // Беларускі гістарычны часопіс. – 2010. – № 7. – С. 35–40.
56. Лабчэўская, В. А. Паязчыцаў – беларускі ручнік / В. А. Лабчэўская. – Мінск: Беларусь, 2002. – 238 с.
57. Лаврентьевская летопись // Полное собрание русских летописей. – Т. 1. – 2-е изд. – М.: Языки русской культуры, 2001. – С. 20.
58. Локоток, А. І. Навуковыя рысы беларускай архітэктуры / А. І. Локоток. – Мінск: Ураджай, 1999. – 366 с.
59. Локоток, А. І. Падстражмі прашчур'я / А. І. Локоток. – Мінск: Палымя, 1996. – 384 с.
60. Левко, О. Н. Кривичи-полоцкие и их соседи в Белорусском Подвинье и Поднепровье. Обзорные Полоцкого княжества / О. Н. Левко // Полоцк и Полоцкое княжество (земля) в IX–XIII вв., летопись древних слоев, Полоцк и его округ в XIV–XVIII вв., ремесло, денежное обращение и торговые связи Полоцка в средневековье (по данным археологии, нумизматики и письменных источников), культуры и просвещение в средневековом Полоцке / под ред. А. А. Ковалени, О. Н. Левко. – Минск: Беларусь, 2012. – С. 36–41.

61. Левко, О. Н. Полоцк – древнейший центр белорусской государственности и актуальные проблемы отечественной истории / О. Н. Левко // Вестн. Полоц. гос. ун-та. Сер. А, Гуманитарные науки. – 2008. – № 1. – С. 7–16.
62. Лінгвістычныя геронімія і групы беларускіх геронімаў / п. д-рэд. Р. І. Авнес [і інш.]. – Мінск: Навука і тэхніка, 1968. – 320 с.
63. Литвин, А. М. К вопросу о количестве людских потерь Белорусии в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.) / А. М. Литвин // Белорусь в XX столетии: сб. науч. пр. – Минск; Томск: Водолей, 2002. – Вып. 1. – С. 136–137.
64. Лобч, У. А. Міф. Простор. Четыре века: традиционные культурные ландшафты белорусского селения в перспективе / У. А. Лобч. – Минск: Тэхналогія, 2013. – 510 с.
65. Локотко, А. И. Архитектурно-ландшафтная топография белорусско-русского этнического пограничья / А. И. Локотко. – Минск: Прогноз и экономика, 2003. – 106 с.
66. Локотко, А. И. Белорусское и родное зодчество: середина XIX – XX вв. / А. И. Локотко. – Минск: Наука и техника, 1991. – 286 с.
67. Локотко, А. И. Историко-культурные ландшафты Белорусии / А. И. Локотко. – Минск: Белорусская наука, 2006. – 470 с.
68. Мажэйка, З. Я. Песни белорусов / З. Я. Мажэйка. – Минск: Наука и техника, 1981. – 494 с.
69. Мартинкевич, Г. И. Белорусская поозерская провинция / Г. И. Мартинкевич // Природная Белоруссия: энцикл.: в 3 т. – Т. 1: Земля и недра. – Минск: Белорусская энциклопедия им. П. Бровки, 2009. – С. 43–44.
70. Милоченков, С. А. Белорусское и родное гонимое / С. А. Милоченков. – Минск: Наука и техника, 1984. – 183 с.
71. Молчанов, Л. А. Материальная культура белорусов / Л. А. Молчанов. – Минск: Наука и техника, 1968. – 174 с.
72. Названия селенных пунктов в Республике Беларусь. Витебская область: справочник. – Мінск: Тэхналогія, 2009. – 669 с.
73. Назаров, В. Л. «Русь» у складзе Вялікага княства Літоўскага ў XVI ст. / В. Л. Назаров, М. Ф. Спірыдон // З глыбіняў: навука і гісторыя: гіст.-культурал. зб. – Мінск: МП «Крок уперад», 1996. – Вып. 1. – С. 4–27.
74. Никифоровский, Н. Я. Простонародные приметы и поверья, суеверные обряды и обычаи, легенды о лицах и местах ... Витебской Белоруссии / Н. Я. Никифоровский. – Витебск: Губерн. типо-литогр., 1897. – [2], X, 307, 30 с.
75. Никифоровский, Н. Я. Очерки простонародного житья-бытья в Витебской Белоруссии и описание предметов обихода / Н. Я. Никифоровский. – Витебск: Губерн. тип., 1895. – VIII+548+CLIV с.
76. Одерборн, П. Прозречивые и грунтоносные поведы верующих, [ix] шлюбныя і пыхвалыныя броды, побыты, дзеньне і г. д., таксама прозречивы і тры / П. Одерборн // Беларускі гіст. рычны глянц. – 2005. – Т. 12, сш. 1–2. – С. 167–189.
77. Падбярэскі, Р. Лісты пра Беларусь / Р. Падбярэскі; пер. з пол. М. Хустовіч // Шлях маргдоў: гіст.-літ. зб. / укл. д. Я. Янушкевіч. – Мінск: Мастацкая літ., 1994. – С. 249–266.
78. Пилипенко, М. Ф. Возникновение Белоруссии: новая концепция / М. Ф. Пилипенко. – Минск: Беларусь, 1991. – 142 с.
79. Пирожник, И. И. Трансформация системы расселения Белорусии во второй половине XX – начале XXI в. / И. И. Пирожник, Е. А. Антипов // Вестн. БГУ. Сер. 2, Биология. Химия. География. – 2006. – № 3. – С. 72–78.
80. Поболь, Л. Д. Археологические памятники Белоруссии: железный век / Л. Д. Поболь. – Минск: Наука и техника, 1983. – 456 с.
81. Поліцкі этнаграфічны зборнік. – Вып. 1, ч. 1: Народная медицина Беларусі ў Падзвіннях: у 2 ч. – Ч. 1 / укл. д. У. А. Лобч, У. С. Філіпенка. – Навука і тэхніка: ПДУ, 2006. – 147 с.

82. Поліцкі этнаграфічны зборнік. – Вып. 1, ч. 2: Народная медыцына беларусаў Палесся: у 2 ч. – Ч. 2 / укл. д. А. У. Лобч, У. С. Філіпенка. – Наводзіца: ПДУ, 2006. – 331 с.
83. Поліцкі этнаграфічны зборнік. – Вып. 2, ч. 1: Народная проза беларусаў Палесся: у 2 ч. – Ч. 1 / укл. д., прадм. У. А. Лобч. – Наводзіца: ПДУ, 2011. – 290 с.
84. Поліцкі этнаграфічны зборнік. – Вып. 2: Народная проза беларусаў Палесся: у 2 ч. – Ч. 2 / укл. д., прадм. У. А. Лобч. – Наводзіца: ПДУ, 2011. – 366 с.
85. Поозер'е (Подвінне) // Беларуская энцыклапедыя: в 18 т. – Т. 11: Мугірэ – Паліклініка / рэдкал.: Г. П. Пашкоў [і др.]. – Мінск: Беларуская энцыклапедыя імя П. Броўкі, 2000. – С. 460–461.
86. Пшелко, А. Р. Очерки истории жизни белорусской деревни / А. Р. Пшелко. – Вильно: Тип. «Русский почин», 1906. – 248 с.
87. Раква, Л. В. Эвалюцыя традыцый сямейнага выхавання беларусаў XIX–XX стст. / Л. В. Раква. – Мінск: Беларуская навука, 2009. – 311 с.
88. Рамнюк, М. Ф. Беларуская народная дэнца / М. Ф. Рамнюк. – Мінск: Беларуская навука, 1981. – 234 с.
89. Регионы Беларуси: энцикл.: в 7 т. – Т. 2, кн. 1: Витебская область / ред. Т. В. Белов [і др.]. – Мінск: Беларуская энцыклапедыя імя П. Броўкі, 2010. – 533 с.
90. Регионы Беларуси: энцикл.: в 7 т. – Т. 2, кн. 2: Витебская область / ред. Т. В. Белов [і др.]. – Мінск: Беларуская энцыклапедыя імя П. Броўкі, 2011. – 640 с.
91. Ромнов, Е. Р. Общий очерк Витебской губернии / Е. Р. Ромнов. – Витебск: Губерн. тип., 1898. – 308 с.
92. Русецкий, А. В. Художественная культура Витебщины: Поозерье, Подвинье, Верхнее Поднепровье / А. В. Русецкий, Ю. А. Русецкий. – Витебск: ВГУ им. П. М. Машерова, 2008. – 540 с.
93. Русецкий, А. В. Художественная культура Витебщины: Поозерье, Подвинье, Верхнее Поднепровье (1918–1941) / А. В. Русецкий, Ю. А. Русецкий. – Витебск: ВГУ имени П. М. Машерова, 2014. – 293 с.
94. Спунув, А. П. Матэрыялы па гісторыі і географіі Дзіснаўскага і Вілейскага ўездаў Віленскай губерні / А. П. Спунув, В. Друцкі-Любецкі. – Витебск: Губерн. типо-літогр., 1896. – 262 + 144 с.
95. Спунув, А. П. Рэказ па дні Двіна / А. П. Спунув. – Витебск: типо-літогр. Г. А. Машкін, 1893. – IV с. + 512 с. + LXXII с.
96. Севергин, В. М. Записки путешествия по западным провинциям Российского государства, или Минералогические, хозяйственные и другие примечания, učinенные во время проезда через оные в 1802 году... / В. М. Севергин. – СПб.: Тип. Имп. Академии наук, 1803. – 225 с.
97. Севергин, В. М. Продолжение записок путешествия по западным провинциям Российского государства, или Минералогические, технологические и другие примечания, učinенные во время проезда через оные в 1803 году... / В. М. Севергин. – СПб.: Тип. Имп. Академии наук, 1804. – 168 с.
98. Седов, В. В. Кривичи / В. В. Седов // Советская археология. – 1960. – № 1. – С. 47–62.
99. Седов, В. В. Основные вопросы изучения тушемлинской культуры / В. В. Седов // Stratum plus. – 2001–2002. – № 5. – С. 431–437.
100. Семеновский, А. М. Этнографический обзор Витебской губернии / А. М. Семеновский. – СПб.: Тип. М. Хандрава, 1872. – 69 с.
101. Серебренников, Ф. И. О родных предках Себежского уезда / Ф. И. Серебренников // Пятая книжка Витебской губернии за 1867 г. – СПб.: Тип. К. Вульфа, 1867. – С. 209–254.
102. Скорбегаченко, А. В. Народная инструментальная культура Беларуси / А. В. Скорбегаченко. – Мінск: Беларуская навука, 1997. – 471 с.

103. Смоліч, А. А. Геаграфія Беларусі / А. А. Смоліч. – Мінск: Т-в бел рус. мовы імя Ф. Скарыны, 1993. – 382 с.
104. Строчков, М. И. Миграционные процессы в белорусско-российско-украинском регионе (конец XIX в. – 1917 г.) / М. И. Строчков // Журнал междунационального и междунациональных отношений. – 2008. – № 3. – С. 41–48.
105. Стуклич, В. К. Белоруссия и Литва. Очерки из истории городов в Белоруссии / В. К. Стуклич. – Витебск: Губерн. тип., 1894. – 62 с.
106. Стуклич, В. К. Краткая история белорусского языка / В. К. Стуклич // Витебские губернские ведомости. – 1895. – № 13–15.
107. Сысоў, У. М. З крыніц справаў / У. М. Сысоў. – Мінск: Вышэйш. шк., 1997. – 415 с.
108. Трнович, В. П. Экспедиция к демик И. И. Лепехин в Белоруссию и Лифляндию в 1773 г. / В. П. Трнович // Тр. Ин-та истории и техники. – 1935. – Сер. 1. – Вып. 5. – С. 545–568.
109. Терешкович, П. В. Этническая история Беларуси XIX – нач. XX в.: в контексте Центрально-Восточной Европы / П. В. Терешкович. – Минск: БГУ, 2004. – 223 с.
110. Трышчынскія культуры беларусаў: у 6 т. – Т. 2: Віцебск і Падзвінне / Т. Б. Вольфмеев [і інш.]; склад. Т. Б. Вольфмеев. – Мінск: Беларуская мова, 2004. – 910 с.
111. Трансформация миграционных процессов в постсоветском пространстве [Электронный ресурс] / под ред. Л. Л. Рыбковского. – М.: ИСПИ РАН, 2008. – Режим доступа: <http://rybakovsky.ru/migracia3a9.html>. – Дата доступа: 05.03.2017.
112. Тугай, У. В. Літвынскія этнічныя супольнасці і культурныя жыцці Беларусі / У. В. Тугай. – Мінск: БДПУ, 2003. – 318 с.
113. Флютынский, К. Н. Родные предания, поверья и суеверные обряды жителей Белоруссии / К. Флютынский // Вестн. Европы. – 1828. – Март-апрель. – С. 75–92.
114. Цітоў, В. С. Нарадныя спадчыны: мэтады культуры ў лясных і вясковых раёнах / В. С. Цітоў. – Мінск: Навука і тэхніка, 1994. – 300 с.
115. Чквин, И. В. Из истории становления миграционного самосознания белорусов / И. В. Чквин, П. В. Терешкович // Сов. этнография. – 1990. – № 6. – С. 42–54.
116. Чквин, И. В. Избранные: теоретические и историографические статьи по этногенезу, этническому и этнокультурному процессам, конфессиональной истории белорусов / И. В. Чквин; ред.-сост. А. Вл. Гурко. – Минск: Беларуская мова, 2014. – 463 с.
117. Шыр, В. І. Беларускія Падзвінне (І тысячагоддзе н. э.) / В. І. Шыр. – Мінск: ДНУ «Інстытут гісторыі НАН Беларусі», 2006. – 150 с.
118. Шейн, П. В. Белорусские народные песни, относящиеся к ним обряды, обычаи и суевериями, с приложением объяснительного словаря и грамматических примечаний / П. В. Шейн. – СПб.: Тип. Майков, 1874. – 566 с.
119. Шендрик, Д. З. Распределение населения Верхнего Поднепровья и Белоруссия по территории, его этнографический состав, быт и культуры / Д. З. Шендрик, М. В. Довнар-Зпольский // Россия: полное географическое описание нашего Отечества. – Т. 9: Верхнее Поднепровье и Белоруссия / под ред. В. П. Семенов. – СПб.: Изд. А. Ф. Девриен, 1905. – С. 126–227.
120. Шипило, В. А. Основные результаты этнолого-географических исследований в Беларуси / В. А. Шипило // Вестн. НАН. Сер. гуманит. науки. – 2014. – № 4. – С. 41–50.
121. Шлюбскі, А. А. Мэтады даследавання фальклору і мовы Віцебшчыны: у 2 ч. / А. А. Шлюбскі. – Мінск: Інбелкульт, 1927. – Ч. 1. – 187 с.
122. Шлюбскі, А. А. Мэтады даследавання фальклору і мовы Віцебшчыны: у 2 ч. / А. А. Шлюбскі. – Мінск: Інбелкульт, 1928. – Ч. 2. – 259 с.

123. Шмидт, Е. А. Археологічныя дзёныя аб фарміраванні крывічэй / Е. А. Шмидт // Этнагенез беларусаў: тез. докл. н. конф., 3–6 дек. 1973 г. – Мінск: АН БССР, Ін-т іскусствазнаўства, этнаграфіі і фальклору, 1973. – С. 21–23.
124. Шпилевский, П. М. Белоруссия в хрестерических описаниях и фолклорных стихах / П. М. Шпилевский // П. М. Шпилевский // П. М. Шпилевский. – СПб., 1853. – Т. 8–10, 15; 1856. – Т. 25.
125. Штыхў, Г. В. Крывічы: п. м. тэрыял. хр. скоп. к кург. ноў у П. ўночн. й. Бел. русі / Г. В. Штыхў. – Мінск: Н. вук. і тэхнік., 1992. – 191 с.
126. Штыхов, Г. В. Город Полоцкой земли: IX–XIII вв. / Г. В. Штыхов. – Мінск: Н. вук. і тэхнік., 1978. – 213 с.
127. Штыхов, Г. В. Фарміраванне палочкіх крывічэй / Г. В. Штыхов // Iš baltų kultūros istorijos. – Vilnius: Diemedis, 2000. – С. 209–218.
128. Шумскі, К. А. Трыдыцыйныя экалагічныя веды бел. русі ў XIX ст. – п. ч. тку XXI ст. / К. А. Шумскі. – Мінск: БДАТУ, 2011. – 192 с.
129. Шумскі, К. А. Этнаэкалогія трыдыцыйнай культуры н. сельніцтва. Бел. рускі г. П. дзвінн. / К. А. Шумскі // Бел. рускі г. П. дзвінн.: вопыт, метод. і вынікі п. ляхых і міждысцыплінарных д. след. в. нн.яў: зб. н. вук. рт. П. Міжн. р. н. вук. к. нф., Пол. цк, 17–18 кр. с. 2014 г. : у 2 ч. / Пол. цк, дзярж. ун-т; п. д. гул. рэд. Д. У. Дук, У. А. Лобч, С. А. Шыдлоўскі. – Н. в. пол. цк: ПДУ, 2014. – Ч. 1. – С. 257–264.
130. Шыдлоўскі, С. А. «З піскі» В. М. Севергіна як крыніца гісторыі і этнаграфіі Бел. рускі г. П. дзвінн. і сумежных тэрыторый / С. А. Шыдлоўскі // Бел. рускі г. П. дзвінн.: вопыт, метод. і вынікі п. ляхых і міждысцыплінарных д. след. в. нн.яў: зб. н. вук. рт. П. Міжн. р. н. вук. к. нф., Пол. цк, 17–18 кр. с. 2014 г. / п. д. гул. рэд. Д. У. Дук, У. А. Лобч, С. А. Шыдлоўскі. – Н. в. пол. цк: ПДУ, 2014. – Ч. 1. – С. 265–268.
131. Шыдлоўскі, С. А. Культурныя прывілеяваныя слоўныя Бел. русі: 1795–1864 гг. / С. А. Шыдлоўскі. – Мінск: Бел. рускі г. вук., 2011. – 168 с.
132. Шыдлоўскі, С. А. Уласныя імёны ў кнізе Я. Б. ршчэўскі «Шляхціц З. в. льяна» як крыніца рэканструкцыі этнічнай крывічынскага свету прывілеяваныя слоўныя бел. рускі г. П. дзвінн. ў першай п. лова XIX ст. / С. А. Шыдлоўскі // Бел. рускі г. П. дзвінн.: вопыт, метод. і вынікі п. ляхых д. след. в. нн.яў (д. 80-годдзя п. ч. тку р. х. экалагічных р. скоп. к. у. г. Пол. цку): зб. н. вук. пр. ц. Рэсп. н. вук.-пр. кт. семінар, Пол. цк, 20–21 ліст. п. 2008 г. / п. д. гул. рэд. Д. У. Дук, У. А. Лобч. – Н. в. пол. цк: ПДУ, 2009. – С. 287–290.
133. Шыдлоўскі, С. А. Формы с. м. вызначэння і с. м. свядомасці прывілеяваныя г. с. слоўныя ў Бел. русі першай п. лова XIX ст. годдзя / С. А. Шыдлоўскі // Вестн. Полоц. гос. ун-та. Сер. А, Гуманітарныя навукі. – 2006. – № 7. – С. 25–33.
134. Шыдлоўскі, С. А. Шляхціцкія слоўныя ідэалогіі ў творы Я. Б. ршчэўскі / С. А. Шыдлоўскі // Вестн. Полоц. гос. ун-та. Сер. А, Гуманітарныя навукі. – 2005. – № 7. – С. 128–134.
135. Этнаграфія бел. русі ў гістарычнай, этнагенез, этнічнай гісторыі / В. К. Б. н. д. рчык [і інш.]. – Мінск: Н. вук. і тэхнік., 1985. – 215 с.
136. Этнакультурныя працэсы Восточнага Палесся в. прошлом і н. ст. яшчэ / А. В. Гурко [і др.]. – Мінск: Бел. рускі г. вук., 2010. – 466 с.
137. Этнакультурныя працэсы Гродненскага Палесся в. прошлом і н. ст. яшчэ / А. В. Гурко [і др.]; редкол.: А. В. Гурко [і др.]. – Мінск: Бел. рускі г. вук., 2014. – 447 с.
138. Этнакультурныя працэсы Цэнтральнай Бел. русі в. прошлом і н. ст. яшчэ / А. В. Гурко [і др.]; н. уч. ред. А. В. Гурко. – Мінск: Бел. рускі г. вук., 2016. – 539 с.
139. Ямсков, А. Н. История становления и развития отечественной этноэкологии / А. Н. Ямсков // Этнаграфічнае абозначэнне. – 2013. – № 4. – С. 49–64.
140. Gwagnini, A. Sarmatiae Europaeae Descriptio Quae Regnum Poloniae, Lituaniam, Samogitiam, Russiam, Massoviam, Prussiam, Pomeraniam, Livoniam, Et Moschoviae, Tartariaeque partem complectitur [...] / A. Gwagnini. – Krakow, 1578. – 260 p.

141. Barszczewski, J. Szlachcic Zawalnia, czyli Białoruś w fantastycznych opowiadaniach / J. Barszczewski. – Petersburg: w Druk. Karola Kraja, 1844. – T. 1. – S. XLV.

142. Brasławszczyzna. Pamięć i współczesność. – T. I: Historia regionu. Charakterystyka socjolingwistyczna. Świadcstwo mieszkańców / red. nauk. E. Smułkowa. – Warszawa: Wyd-wo Uniw. Warszawskiego, 2011. – 659 s.

143. Brasławszczyzna. Pamięć i współczesność. – T. II: Słownictwo dwujęzycznych mieszkańców rejonu (Słownik brasławski) / red. nauk. E. Smułkowa. – Warszawa: Wyd-wo Uniw. Warszawskiego, 2009. – 765 s.

144. Chrapowicki, I. Rzut oka na poezję ludu Białoruskiego / I. Chrapowicki // Rubon. – Wilno: drukiem Józefa Zawadzkiego, 1845. – T. 5. – S. 35–82.

145. Czeczot, J. Piosnki wieśniacze znad Niemna i Dźwiny, niektóre przysłowia i idiotyzmy w mowie sławiano-krewickiej, z postrzeżeniami nad nią uczonymi / J. Czeczot. – Wilno: Drukiem Józefa Zawadzkiego, 1846. – 166 s.

146. Grzymałowski, J. Poezye trzech braci, Waleryana, Klemensa, Juliana Grzymałowskich Białorusinów: w 3 t. / J. Grzymałowski, K. Grzymałowski, W. Grzymałowski. – Petersburg: druk. Hazenbergiera, 1837.

147. Marcinkiewicz, H. Poezye / H. Marcinkiewicz. – Wilno: Druk. J. Zawadzkiego, 1845.

148. Rypiński, A. Białoruś. Kilka słów o poezii prostego ludu tej naszej polskiej prowincii; o jego muzyce, śpiewie, tańcach, etc / A. Rypiński. – Paryż: w księgotłoczni J. Marylskiego, 1840. – 231 s.

149. Tyszkiewicz, E. Opisanie powiatu borysowskiego pod względem statystycznym, geognostycznym, historycznym, gospodarczym, przemysłowo-handlowym i lekarskim z dodaniem wiadomości: o obyczajach, śpiewach, przysłowiaich i ubiorach ludu, gusłach, zabobonach itd. / E. Tyszkiewicz. – Wilno: Marcinowski, 1847. – 446 s.

150. Wereńko, F. Przyczynek do lecznictwa ludowego Materiały / F. Wereńko // Materiały Antropologiczno-Archeologiczne i Etnograficzne. – Kraków: nakładem Akad. Umiejętności, 1896. – T. 1. – S. 99–229.

УДК [39+008](476.5)

ББК 63.5(4Бел)

Э91

Авторы:

А. Вл. Гурко, С. О. Шидловский, Р. А. Григорьев ,
А. Викт. Гурко, С. В. Грунтов, Т. П. Ив нов , Е. Н. Изергин ,
Н. С. Бункевич, А. А. Крумплевск я, Т. А. Листов , Ю. С. Прокофьев ,
Т. Д. Р бец, Л. В. Р ков , И. В. Ром ненко, И. В. Сорокин ,
В. Н. Ярмолинск я

Н учный ред ктор

А. Викт. Гурко

Рецензенты:

доктор исторических н вук В. А. Федосик,
доктор исторических н ук Т. А. Новогродский

*Книг выполнен в р мк х з д ния Госуд рственной прогр ммы н ученых ис-
следов ний н 2016–2020 гг. «Экономик и гум нит рное р звитие белорус-
ского обществ », подпрогр ммы 13.1. «История и культур », темы 1.02.05.
«Современные этнические тр диции Республики Бел русь».*

Этнокультурные процессы Белорусского Подвинья (Витебщины)
Э91 в прошлом и н стоящем / А. Вл. Гурко [и др.] ; н уч. ред. А. Викт. Гур-
ко ; Н ц. к д. н ук Бел руси, Центр исслед. белорус. культуры, язык
и лит., Ин-т этногр фии и фольклор имени Кондр т Кр пивы. –
Минск: Бел руск я н вук , 2017. – 628 с. : ил.

ISBN 978-985-08-2233-8.

Коллективн я р бот белорусских этнологов д ет комплексное предст влен-
ие об этнокультурных тр дициях, этнической истории и этнических процес-
с х, этносоци льной структуре, особенностях м тери льной (жилище, одежд ,
тр диции пит ния), соци льной (семейно-бр чные отношения и обряды, тр ди-
ции воспит ния, общественные объединения) и духовной (этноконфессион ль-
н я структур , к ленд рные пр здники и обряды) культуры н селения Витеб-
щины. Впервые вводятся в н учный оборот м тери лы полевых этногр фиче-
ских исследований, рхивные источники.

Книг предн зн чен историк м, кр евед м, студент м вузов, орг низ тор м
регион льного туризм , широкому кругу чит телей, интересующихся историей
родного кр я.

УДК [39+008](476.5)

ББК 63.5(4Бел)

ISBN 978-985-08-2233-8

© Н цион льн я к демия н ук Бел руси, 2017
© Оформление. РУП «Изд тельский дом
«Бел руск я н вук », 2017

НАЦИОНАЛЬНАЯ АКАДЕМИЯ НАУК БЕЛАРУСИ
Центр исследований белорусской культуры,
языка и литературы
Институт искусствоведения, этнографии и фольклора
имени Кондрата Крапивы

ЭТНО
**КУЛЬТУРНЫЕ
ПРОЦЕССЫ
БЕЛОРУССКОГО
ПОДВИНЯ
(ВИТЕБЩИНЫ)
В ПРОШЛОМ
И НАСТОЯЩЕМ**

Минск
«Беларуская навука»
2017